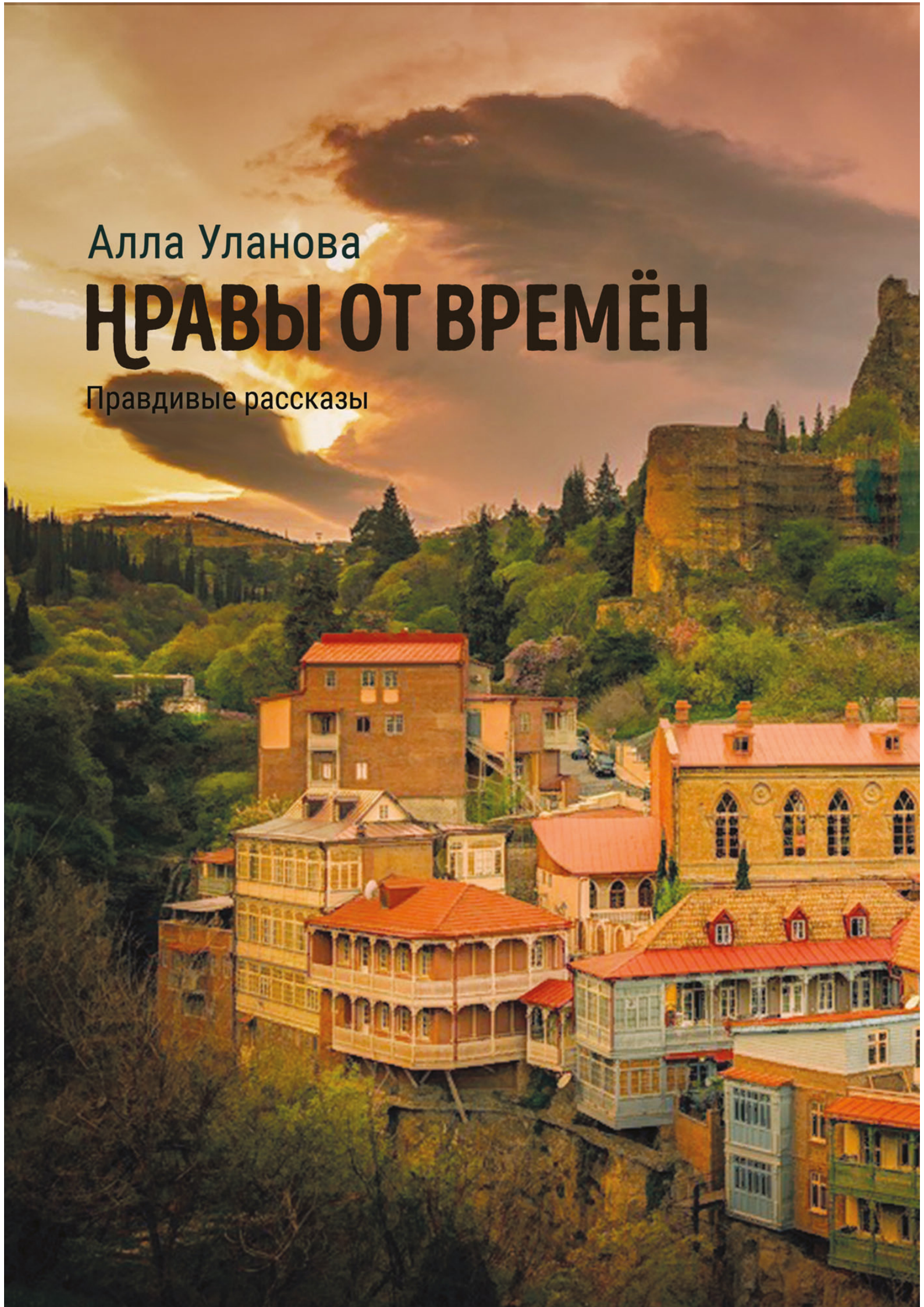

Алла Уланова

ЦРАВЫ ОТ ВРЕМЁН

Правдивые рассказы

Алла Уланова

Нравы от времён

«Атанор»

2019

Уланова А. В.

Нравы от времён / А. В. Уланова — «Атанор», 2019

Каждый человек неповторим, неповторима и его судьба. И человеческие судьбы старшего, еще советского, поколения учат поколение сегодняшнее – учат доброте, великодушию, стойкости, умению, имея мало, добиваться многого. Эти судьбы, как живые маяки, светят со страниц книги замечательной художницы, чуткого и внимательного наблюдателя жизни, Аллы Улановой.

© Уланова А. В., 2019

© Атанор, 2019

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Часть 1. Советские времена	8
Любимый город	8
Серные бани	14
Курдская свадьба	18
Похороны в Тбилиси 1960–1970	19
Первое захоронение и первый пантеон	22
Детство и первые школьные годы советской девочки	23
Жизнь и быт советский людей	25
Маленькие горести советской женщины	27
Как избавиться от нелюбимой жены	29
Школьные годы в старших классах	31
Тбилисский театр оперы и балета	34
Вахтанг Михайлович Чабукиани	35
Балетная студия при театре оперы и балета	36
Быль на грани фантастики	38
Тбилисские события 1956 года	40
Мамина семья	42
Наивность советской женщины	43
Отец	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алла Уланова
Нравы от времён
Правдивые рассказы

© Уланова А. В., 2019

* * *

От автора

Я не буду комментировать и сравнивать советские и постсоветские времена. Я просто написала для вас, дорогие читатели, невыдуманные рассказы. Однако одним длинным предложением я выскажу свое личное мнение. Перефразируя народную пословицу «Все, что ни делается, – к лучшему», я скажу так: все, что ни делается, не всегда к лучшему, а может быть, это лучшее наступит через десятилетия, а то и через столетие. Будем надеяться, но «...только жить в эту пору прекрасную уж не придется – ни мне, ни тебе».

Предисловие

Каждый человек – например, моя подруга, знакомый сосед – может рассказать собственную историю жизни. Даже у самого обычного человека – своя интересная история жизни. Каждый человек о себе думает, что он ничем не привлекателен, обыденный и скучный, никому не интересный. Но это далеко не так.

Он интересен своим близким, родным и знакомым. От любого человека, даже самого рядового, можно почерпнуть что-то новое, неизвестное для себя. Ведь о таких людях не пишут в газетах, журналах, они не получают премий, не совершают подвигов в нашем понимании. Но на самом деле каждый человек на протяжении своей жизни обязательно делает что-то хорошее, удивительное, поэтому и сам, и окружающие могут им гордиться.

Каждый день люди совершают что-то хорошее, необычное, но никто этого не замечает и не помнит. Они просто делают то, что должны делать, или по велению сердца, или по велению нравственности, заложенной в каждом человеке. Об этом точно сказал немецкий философ Эммануил Кант: «Две вещи поражают мое воображение: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Но, к сожалению, этот закон не всегда срабатывает. Но я надеюсь и верю, что большая часть людей на земле живет по закону нравственности.

Очень подходит к моим рассказам высказывание Федора Михайловича Достоевского: «Никакое воображение не придумает нам того, что дает иногда самая обыкновенная заурядная жизнь. Уважайте жизнь!»

Часть 1. Советские времена

Любимый город

Тбилиси – древний и очень красивый город. Он раскинулся как бы в котловане вдоль правого и левого берегов реки Куры. Великолепный горный ландшафт, в основном покрытый густой растительностью, обрамляет город. Во времена моего детства город был небольшим, густонаселенным. Дома преимущественно двух-, трехэтажные. Основное население – 350 тысяч, большую часть составляли грузины и армяне, за ними шли русские, азербайджанцы, курды, езиды, грузинские евреи (то есть хоть и верующие евреи, но с грузинскими фамилиями и родным разговорным языком – грузинским) и многие другие. Всех перечислить не могу, насчитывается более 60 национальностей.

Город делился на районы, в которых проживали люди по национальному признаку. Авлабар – в нем компактно проживали армяне. В Солولاки жили зажиточные грузины и армяне. В Навтлуги – азербайджанцы. В Нахаловке – русские, молокане, а вот остальные были повсюду. Как ни прискорбно, наверное, читать эти строки грузинам, город Тбилиси в основном построен зажиточными армянами, армянскими купцами. Источники этого можно найти в истории Грузии.

Я жила в районе Молоканской площади. Там же был Молоканский базар. Базар обычный, но почему-то назывался Молоканским. Его уже давно нет. Это старое название, видимо, дореволюционное, но в мою бытность площадь называлась Советской и улица Советской. В этом районе компактно проживали молокане. Как они появились в городе Тбилиси и расселились почти в центре города – мне неизвестно. Дома вокруг Молоканского базара, на улицах Советской, Орджоникидзе, Пиросмани, Гоголя были небольшими, двухэтажными.

Почему я хочу рассказать, кто такие молокане? Дело в том, что дома на многих тбилисских улицах построены русскими молоканами. Я и сама жила в доме, построенным молоканом Лештаевым. Его жена и рассказала мне об этой вере. Потом я интересовалась и искала в разных источниках постулаты этой веры.

Почему эти русские люди назывались молоканами? Есть версия. В великий пост они пили молоко, что запрещалось православным. Молокане – это один из видов духовного христианства, а также особое этнографическое сообщество русских, притом многочисленное. К ним относятся и духоборы. Кстати, в Грузии тоже были общины духоборов, но они в основном жили в провинциях. В царские времена в России молокане, как и духоборы, преследовались властью «как несущие вредные ереси». Ставится вопрос. Почему? Постулаты веры молокан таковы: веруют в Христа, не признают иконы, не крестятся, считают, что посредники в лице священников между Богом и людьми не нужны.

Эти основы веры молокан очень похожи на протестантизм, но проросший на русской земле. Теперь становится понятным, почему преследовались. Ведь ортодоксальная религия христианства на Руси была не нужна. Нужны были церкви, священнослужители и вся атрибутика с обстановкой в церкви, с обрядами и нарядами и т. д. Государство и церковь были едины, а, следовательно, легче было управлять народом. Вот и бежали молокане в Закавказье и проживали компактно и в Грузии, и в Армении, и в Азербайджане, и в Средней Азии. Мне нравятся основы веры молокан, особенно потому, что не пьют алкоголь. Это мое личное мнение. Никому я его не навязываю. Да простит мне читатель такое отступление от темы.

Мой любимый город Тбилиси протянулся вдоль правого берега реки Куры от Ортачало (район города. – Прим. автора), где на окраине стояла тюрьма, до Сабуртало. Это была большая площадь, поросшая травой. А в переводе с грузинского языка это место для игры в мяч. Вот

там-то и была огромная барахолка, где на стихийном рынке можно было купить все – от гвоздей до мебели – или обменять какие-либо вещи на еду. Это была окраина города. Дальше город заканчивался.

Центром города на правом берегу Куры была площадь Ленина, районы Сололаки, Мтацминда, проспект Руставели и все прилегающие улицы до площади Героев, где находился цирк и одиннадцатизэтажный жилой дом – самое высокое здание в городе. Это был элитный дом, в котором проживали артисты оперы и балета, художники, писатели, ученые и другие знатные люди нашего города. Цирк располагался на высокой горе, откуда открывался великолепный вид на город.

Также хочу вспомнить район Ваке. Это элитный район Тбилиси, но этот район дорог мне только тем, что в нем находится мой любимый, единственный в Грузии Тбилисский государственный университет. В этом районе также были: институт иностранных языков, педагогический институт, институт физкультуры и научно-исследовательские институты.

Особо хочется поведать читателям о главном проспекте города Тбилиси – проспекте имени Шота Руставели – и о том, в честь кого назван так проспект.

Шота Руставели – великий грузинский поэт. Он автор эпической поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Очень скудны биографические данные о Шота Руставели. Жил в 12 веке. Известно, что он был образованнейшим человеком, служил государственным казначеем при царице Тамаре, был безнадежно влюблен в нее. Окончил жизнь в монастырской келье. Был обезглавлен неизвестными убийцами.

Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» является гордостью грузинской культуры. Произведение Шота Руставели в стихах рассказывает о великом чувстве любви, о сострадании к человеку, о торжестве свободы над миром насилия и угнетения. Сюжет таков. Три друга, три витязя – Тариэл, Автандил и Фридон – борются за освобождение прекрасной Нестан-Дареджан. Она заточена в крепость, а в нее влюблен Тариэл. В конце концов друзья побеждают зло и Тариэл обретает и свою возлюбленную.

Я уверена, что эта поэма и по сей день имеет подлинную ценность для грузинского народа. Она также является и сокровищницей мировой художественной литературы.

Еще в давние времена и даже в советские, когда невесту-грузинку отдавали замуж, к приданному обязательно прилагалась эпическая поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Для грузинского народа значимость поэта Шота Руставели адекватна значимости поэта А. С. Пушкина для российской нации.

На мой взгляд, не сам эпический сюжет представляет особую ценность произведения, а те афоризмы, которые приводятся в поэме. Привожу особенно понравившиеся афоризмы в стихах:

«Ложь несет душе и телу бесконечные мученья»;
«Клевета для слуха то же, что полынь для языка»;
«Если действовать не будешь, ни к чему ума палата»;
«Все равны мы перед смертью, всех сразит ее копье,
Лучше славная кончина, чем позорное житье».

Распад СССР привел к разобщенности народов. Не знаю, как сейчас, но в советское время почти в каждом городе всех республик была улица имени Шота Руставели. В Москве есть такая улица.

По левому берегу Куры город тянулся от Навтлуги до Нахаловки и далее до завода «Центролит». Так по старинке назывались районы города Тбилиси. Дальше окраина города. Центром считались: проспект Плеханова, Вокзальная площадь, Дезертирский рынок (был назван так, якобы солдаты, бежавшие с фронтов, продавали там свои пайки).

Оба берега Куры соединялись мостами. Главные из них: Воронцовский мост (ныне имени Карла Маркса) и мост имени Иосифа Виссарионовича Сталина. Мухранский мост еще в советские времена переименован в мост имени Николоза Бараташвили¹.

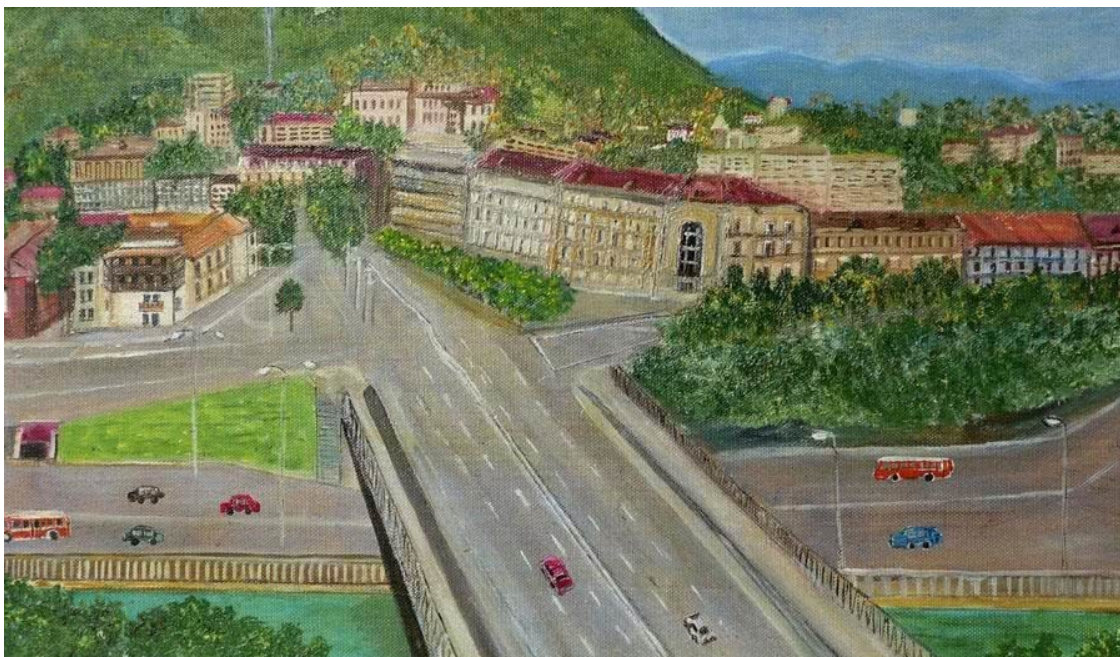

Фото с работы А. Улановой. Вид на мост Н. Бараташвили

Фото с картины А. Улановой. Набережная реки Куры. Тбилиси

¹ Н. Бараташвили – грузинский поэт, по таланту сравнимый с талантом Лермонтова. Он, как и М. Лермонтов, рано ушел из жизни. (Прим. автора). []

Особо хочется рассказать о Михаиле Семеновиче Воронцове. В Тбилиси много старинных названий, связаны с именем Воронцова, и это не случайно. Много было сделано для Тбилиси генерал-губернатором Воронцовым, который был наместником российского царя Николая I.

Детство Воронцова прошло в Тбилиси. И, когда Воронцов стал наместником, он открыл в Тифлисе первый профессиональный театр, сформировал итальянскую оперу и грузинский театр. Так как детство он провел в Грузии, я уверена, что он наверняка хорошо знал грузинский язык. Резиденция М. Воронцова находилась во дворце на главной площади. Теперь это площадь Свободы. В советские времена этот дворец был отдан пионерам. Дворец пионеров – это красивейшее здание с роскошным садом. Все мое детство прошло в нем, особенно летом. Там устраивали пионерский лагерь для детей, которые не выезжали на отдых в другие лагеря.

В Тбилиси было много памятников, в том числе и А. С. Грибоедову. Он стоит на набережной р. Куры. Имя А. Грибоедова носит русский драматический театр, на сцене которого играли: Савина, Яблочкина, Комиссаржевская, Сумбаташвили-Южин, Давыдов и др. В Тбилиси проходили театральные сезоны В. Мейерхольда. Он любил наш многонациональный город.

В. Немирович-Данченко, до того, как вместе с К. Станиславским открыл в Москве легендарный МХАТ, пробовал свои силы в режиссуре в Тбилиси. Становление таланта Георгия Товстоногова также связано с нашим городом. Евгений Лебедев выступал в русском тбилисском ТЮЗе много лет, затем переехал в Ленинград в драматический театр к Г. Товстоногову. Творчество артиста Павла Луспекаева тоже связано с городом Тбилиси, где он, выпускник училища имени Щепкина, работал в русском драматическом театре. В драматическом театре работал и Арчил Гомиашвили.

Меня всегда удивляла фраза, не раз услышанная из уст многих горожан: «Тбилиси – это маленький Париж». В Париже я в те времена, конечно, не бывала и сравнивать не могла мой любимый город с Парижем. Но спустя многие годы, уже в постсоветские времена, когда я побывала в Париже, я поняла, почему горожане сравнивали наш город с Парижем. Нет, архитектурно Париж совсем не похож на Тбилиси. Однако в Тбилиси всегда бурлила музыкально-культурная жизнь, как и в Париже. Многие театры, филармония и театр оперы и балета каждый день заполнялись зрителями. Лучшие советские певцы и танцоры приезжали на гастроли из Москвы, Ленинграда и других городов. Часто приезжала Одесская оперетта. Она славилась на весь Советский Союз. Да и иностранные гастролеры рады были приехать в наш город. Проходили выставки лучших советских и зарубежных художников. Одним словом, культурная жизнь города была ключом.

Особенно хочется вспомнить кинотеатры. Какие очереди выстаивали горожане, чтобы попасть на тот или иной фильм. Кинотеатры были загружены весь день. Последние сеансы начинались в 10 вечера, а иногда, когда фильм имел особый успех, добавляли поздний сеанс. Также хочу отметить, что жители нашего города – особенно женщины – очень хорошо одевались, с большим вкусом и очень нарядно. Зимой очень редко в Тбилиси бывало холодно, но женщинам это не мешало надевать шубки на крепдешиновые платья, а на ноги босоножки. Это было красиво и стильно. Вот все, что я написала, и есть следствие того, что Тбилиси – это маленький Париж.

В достопримечательности моего города также входил ботанический сад, который любил посещать горожане. Жители города любили проводить там маёвки, то есть 2 мая, на следующий день после парада 1 Мая. Большими семьями отправлялись горожане в ботанический сад, пройдя его, устраивались со своей снедью на склонах гор, прилегающих к ботаническому саду. А склоны гор были покрыты густой растительностью. Росли ели, лиственные деревья, да и лесных опушек, пригодных для пикников, было много. Закусывали, выпивали, дети пили лимо-

над, а затем начиналось пение под гитару, под аккордеон, под гармонию, да и танцевали тоже, дети читали стихи и с удовольствием пели вместе с взрослыми любимые песни тех времен.

В ботанический сад можно было пройти из самого центра города, с ул. Энгельса через туннель, проделанный в горе, служивший бомбоубежищем и складом с резервными запасами продуктов для города, а также с Комсомольской аллеи и с Майдана, пройдя наши знаменитые серные бани. В Тбилиси есть два озера – Лисье и Черепашье, – позже появилось Тбилиское море – водохранилище города.

Развалины крепости Нарикала, подсвеченные по ночам, очень красиво украшают город и, конечно, всеми любимый парк культуры и отдыха, который находится на плато горы Мтацминда (в переводе с грузинского «Святая гора»). Туда поднимается горный трамвайчик-фуникулер, а также есть канатная дорога.

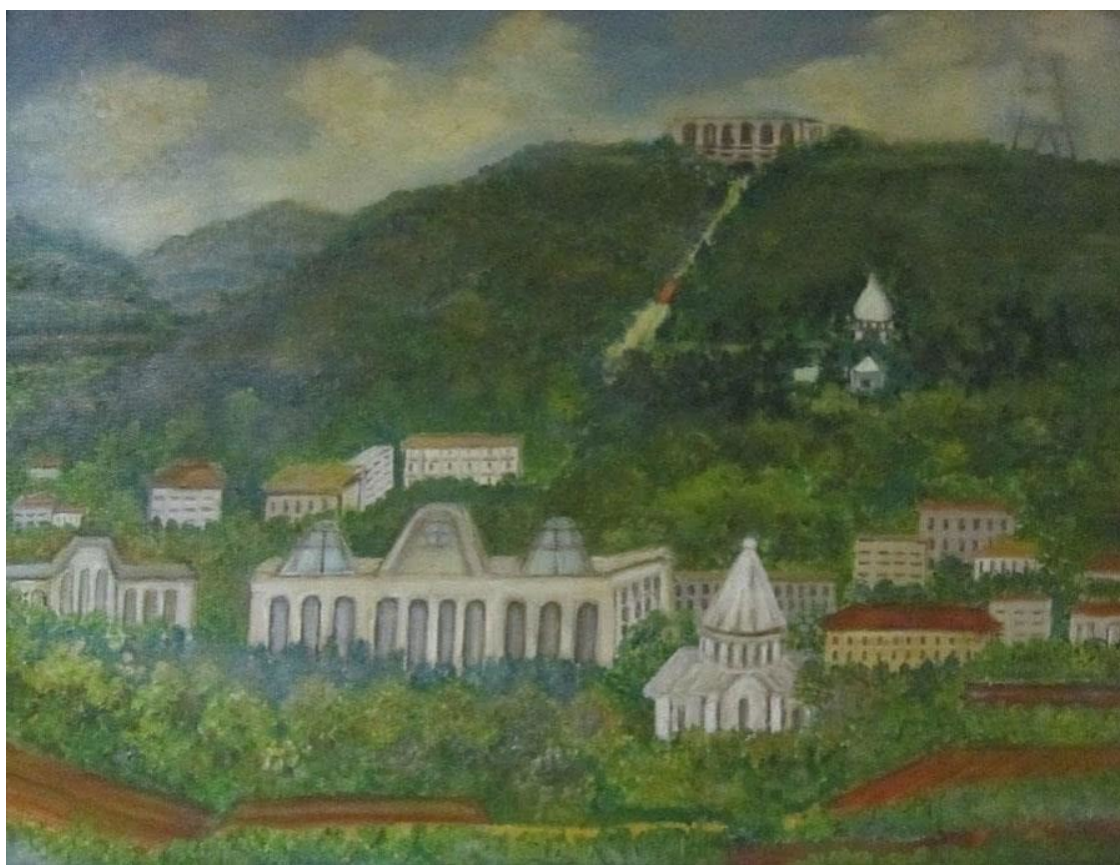

Фото с картины А. Улановой. Тбилиси: вид на центр города, фуникулер и церковь Святого Давида

В моем представлении «Садовое кольцо» города Тбилиси начиналось от площади Ленина, вдоль проспекта Руставели, тянулось до Площади героев, далее проходило по мосту им. Сталина, плавно сворачивало на проспект Плеханова, до его конца. Затем по Воронцовскому мосту (ныне мост Бараташвили) огибало Александровский сад, далее шло мимо Колхозного рынка и по Пушкинской улице и возвращалось на главную площадь Тбилиси, название которой меняли неоднократно. В настоящее время это площадь Свободы. До революции это была Эриванская площадь, затем площадь Л. Берия, затем И. Сталина и позднее площадь В. Ленина. Вот это и был центр города.

Город рос вширь и вдоль. Появились и другие районы, такие как Сабурталинский жилой массив, Дигомский массив и другие жилые массивы. Но для меня эти новые районы, жилые массивы неинтересны. Они застроены безликими домами без архитектурных изысков, но, надо

отдать должное властям города, в эти дома были переселены многочисленные семьи, ютившиеся в комнатах без удобств, в подвалах домов, в бараках и т. д.

Мой глаз обычно радовали узкие улочки с двух- и трехэтажными домами, с висячими балкончиками в центре города. Закрываю глаза и вот таким вижу мой любимый город, город моего рождения, детства, юности и зрелости.

Серные бани

До VI века столицей Грузии был город Мцхета. Несмотря на то, что столицей Грузии является Тбилиси, город Мцхета до сих пор считается центром Грузинской православной церкви.

Главный собор Грузии находится в г. Мцхета. Это первый и главный храм Светицховели, основанный в IV веке. Есть версия, что под спудом хранится хитон господень.

Город Мцхета занесен в список ЮНЕСКО, так как на территории города находятся многочисленные исторические и религиозные памятники.

Фото с работы А. Улановой. Храм Светицховели, Мцхета, Грузия

Город Тбилиси был основан еще в V веке н. э. и только в VI веке стал столицей Грузии. Очень интересная легенда связана с основанием города. Царь Вахтанг Горгасал правил Иберией, так в те времена называлась Грузия. И вот как-то этот царь охотился в лесах по берегам реки Куры, подстрелил фазана и велел слугам найти и принести его. Слуги нашли фазана сварившимся в небольшом озерце с горячей водой и струей воды, выбивавшейся из-под земли с неприятным запахом тухлого яйца. Царь задумался, почесал затылок и сказал: «Здесь мы построим город и назовем его Тбилиси» (в переводе с грузинского языка «тбили» – «теплый»).

Легенда связана с нахождением серных источников, которые сосредоточены в одном из старейших районов Тбилиси – Абанотубани, что в переводе на русский язык означает «квартал бань». Этот квартал и по сей день является одной из многих достопримечательностей города. Туристы и другие приезжие обязательно осматривают эти места.

Древние арабские писатели относили тбилисские бани к чудесам света. «Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлиских бань», – рассказывает А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». До 1936 года город Тбилиси в русской транскрипции назывался Тифлисом. Тифлиские бани удивляли всех приезжих. Действительно, особые номера были облицованы мрамором, пол в предбаннике устлан коврами,

а лавки покрыты разноцветным сукном с мутаками. Это такие продолговатые подушки. Всей этой красоты в советское время уже не было, но бани работают и по сей день.

Фото с картины А. Улановой. Серные бани. Тбилиси

Бани в основном строились в восточном стиле, а точнее в персидском, под землей, а снаружи завершались приземистыми полукруглыми сводами или куполами, оканчивающимися небольшими башенками с проемами для солнечного света.

Еще в конце 16 века насчитывался 31 серный источник. Вот на базе этих источников и были выстроены бани. Старейшая из бань – Ираклиевская, за то, чтобы ею владеть, в 16 веке ссорились члены царской семьи. Другие бани – Бейбутовская, Сумбатовская, Казенная – построены позже, лишь в 17 веке. Но была баня, построенная позже других. Эта уникальная баня называлась Пестрая, однако самое распространенное ее название – Голубая баня. Это высокое отдельное строение, украшенное стрельчатым фасадом с боковыми минаретами, отделанная пестрыми, в основном голубыми изразцами. Она была построена в 1840 году.

Бани служили не только для мытья, но еще и клубами, особенно для мужчин. Мужчины собирались там и в разговорах, и за чаепитием проводили свободное время, общаясь друг с другом.

Для княжеского сословия были роскошные бани, устланные дорогими коврами, но вход в них стоил 1 рубль. По меркам того времени это было дорого. Для дворян, офицеров и купцов были свои бани. Вход стоил 20 копеек, а для простых людей еще дешевле.

В банях свахи устраивали смотрины невест. Приглашались родственницы жениха, и невеста предстала перед ними во всей голой красе.

Фото с работы А. Улановой. Абанотубани – квартал бань

Этот банный район очень плотно связан с моим детством, и вот почему. В квартирах горожан, а вернее в коммуналках, почти никто не имел ваннных комнат, и все жители ходили в серные бани, которые работали круглосуточно, чередуя мужские и женские дни. Были общие моечные места и с отдельными дорогими номерами, отделанные мрамором. Самое интересное, что плата за вход в баню не была ограничена временем пребывания в ней. Моя теть Маруся жила со своим мужем-грузином на улице Энгельса, которая спускалась к Майдану, так называлась площадь. Вот там и находились серные бани. У моего дяди, который тоже ходил в баню в мужские дни, был специальный чемоданчик с банными принадлежностями. Такие чемоданчики были почти у всех мужчин нашего города, и все знали, что этот человек с чемоданчиком идет в баню.

Поход в баню был настоящим действием! Каждую неделю в один из дней мы с мамой приходили к тете с ночевкой. В пять часов утра тетя шла занимать очередь, потом ее сменяла моя мама, а я спала. И где-то к девяти часам утра меня одевали и вели в баню. Для меня это было каждый раз кошмарным стрессом. Почему? В бане было очень жарко, душно, кругом пар, ничего не видно...

Давно – еще в моем раннем детстве – из крана лилась серная горячая вода прямо из-под земли в небольшой каменный чан. Оттуда брали воду шайками, разбавляли холодной и так мылись. Позднее появились душевые краны с разбавленной водой. К десяти годам у меня выросли две довольно толстые косы. И вот одну косу мне мыла и расчесывала мама, а другую тетя. Мытье моих волос всегда заканчивалось одним и тем же: я падала в обморок, меня выносили в предбанник, клали на лавку и оставляли на попечение банщицы, пока я не приходила в себя, а сами шли мыться дальше. Эти банные дни запомнились мне навсегда, и с тех пор я не выношу горячую воду, парную баню и даже сауну.

В предбаннике находились открытые ящики, которые громоздились друг на друге. Туда складывали, вернее запихивали, одежду, а банщица следила, чтобы ничего не украли. Позднее появились шкафчики с ключами и номерками. В самой бане еще находились терщицы (мекисе), которые за деньги жесткой варежкой (кисой) снимали с клиентов ороговевшую кожу. Киса – это специальная варежка из ковровой ткани, довольно жесткая, которой растирали распаренную кожу тела.

Учеными и врачами физиотерапевтами – курортологами были исследованы целебные свойства сероводородной воды. На базе одного из источников в советские времена был построен бальнеологический курорт, куда по санаторным путевкам съезжались люди со всего Советского Союза. Я уверена, что и в настоящее время серные бани являются украшением города Тбилиси – города моего детства, юности и зрелости.

Курдская свадьба

В 1950–60-х годах в Грузии проживало много народностей, среди них – курды и езиды. По историческим сведениям, курды бежали от притеснявших их турецких и иранских властей. Вообще в странах бывшего СССР проживало около миллиона курдов, в основном в Азербайджане, Армении, Грузии, Туркмении и Казахстане. Курды и езиды – народ с древней и богатой историей. Курды-езиды – это курды, исповедующие оригинальную религию – езидизм. Эта религия закрытая, поэтому о ней почти ничего неизвестно. До Первой мировой войны курды и езиды компактно проживали на севере Ирана и на юго-западе Турции. После войны многие мигрировали в Армению, затем в Грузию, в Азербайджан, Россию и даже в Европу.

В Тбилиси курды-езиды находились в самом низу городских слоев населения. Жили они, как правило, в подвальных помещениях жилых зданий большими семьями, с множеством детей. В основном они трудились дворниками, уборщиками улиц, чистильщиками обуви и на других непрестижных работах. Их дети учились в армянских, азербайджанских, грузинских и русских школах, но многие так и не получали среднее образование, так как девочек очень рано отдавали замуж, а ребят женили.

Об их быте и традициях я почти ничего не знаю, так как не довелось жить с ними по соседству. Знаю только, что они говорили на своем языке, схожем с турецким и азербайджанским. Молодые люди общались на грузинском, русском, армянском, азербайджанском языках, в зависимости от того, в какой школе они учились.

Мне вспоминается эпизод из далекого детства. В нашем четвертом классе училась Зина Махмудова, ей было 12 лет. Она рослая, хорошо оформившаяся девочка с двумя очень толстыми, длинными косами и большими черными глазами. Училась плохо, часто не ходила в школу. И вдруг мы узнаем, что у Зины – свадьба! В школу она ходила в форме, как все, а вот курды в те времена, особенно женщины, носили национальную одежду. И вот после уроков мы, 10-летние дети, побежали смотреть свадьбу, благо Зина жила недалеко от школы в большом дворе.

И вот что мы увидели. Группа людей в национальных одеждах танцует, взявшись за руки, как в греческом сиртаки. Им аккомпанирует барабан и зурна. Это национальные музыкальные инструменты. На женщинах рубаха, шаровары, жилет, юбка плиссированная или в складочку, обязательно передник, шерстяной пояс и на голове – платок, в виде конуса, расшитый стеклярусом. Особенно удивляло разнообразие цветов в национальных нарядах женщин-курдов. У мужчин же традиционной одеждой считались широкие штаны, куртка, головной платок в виде чалмы и широкий пояс.

Где-то в стороне разделявали барана, готовили костер, на треноге стоял большой казан с водой, в котором будет вариться мясо барана. Невеста Зина – девочка 12 лет – сидит в национальной одежде, с закрытым лицом рядом с женихом, дородным, «взрослым парнем», которому на вид лет 14–15.

На нас, детей, это произвело неизгладимое впечатление, которое у меня не увядает на протяжении всей жизни. О дальнейшей судьбе Зины я ничего больше не знаю. Жених оказался из Армении и увез ее туда. Впоследствии я видела много таких свадеб, где выдавали замуж 12–14-летних девочек. Вот таков обычай. И это объясняется очень просто. С давних времен, когда жизнь была так коротка, девочек отдавали рано замуж, чтобы они успели народить как можно больше детей. Тут, по-видимому, срабатывал инстинкт самосохранения племен, народностей, наций. К тому же неизлечимые болезни и эпидемии просто косили народ и особенно маленьких детей.

Похороны в Тбилиси 1960–1970

В Тбилиси, едем в автобусе, который вдруг останавливается. Впереди идет похоронная процессия. Все смотрят в окна автобуса, и вдруг мальчик лет пяти громко, обращаясь к пассажирам, произносит сакраментальную фразу: «Все умрут, а я останусь!»

Как хорошо, что человеческий мозг устроен так, что мы не осознаем, что рождение человека есть начало его конца. Мы думаем, что проживем длинную, счастливую и интересную жизнь. Хотя мы понимаем, особенно в зрелом возрасте, что наша жизнь не бесконечна, но всегда надеемся, притом подспудно, прожить долгую, счастливую жизнь. Только безнадежно больные и очень старые люди ощущают дыхание смерти, но сердце и разум не хотят мириться с этим. До самого конца человек надеется на выздоровление, на продолжение жизни, что проживет еще долго, строит планы на будущее.

Удивительно, что матушка-природа распорядилась по-умному. Дала нам жизнь без указания конечного срока. Это здорово? А что было бы, если мы были пессимистами и знали свой конец? Страшно представить! Жизнь закончилась бы не успев начаться. Так, рождение человека есть начало его конца. Это прискорбно, но это так.

В дореволюционные времена, да и в советские тоже, в Грузии и, в частности, в Тбилиси царил культ умерших людей. Похороны обставлялись очень пышно и величаво. Покойник обязательно лежал дома в течение пяти – шести дней, а иногда и дольше, пока не соберутся родственники со всей Грузии и из других республик. Каждый день приносили телеграммы-молнии со словами соболезнования. И чем больше было телеграмм, тем значимее был покойник. Телеграммы лежали в ногах покойника и зачитывались на панихидах.

Покойника бальзамировали дома. Приезжали бальзамировщики, вызванные из морга. Они мыли, бальзамировали, одевали покойника, но не делали макияж, как в нынешние времена. Не буду рассказывать о процессе бальзамирования. Это интимное дело и не очень приятное. При бальзамировании покойника близких родственников не допускали к этому действию.

Затем из комнаты выносили всю мебель. В середину комнаты ставили деревянную кушетку, обязательно покрывали ковром и ставили гроб. До панихиды он оставался закрытым. Крышку поднимали, как только она начиналась. И еще одна особенность: близкие покойника не должны были готовить еду у себя дома, ее приносили соседи или родственники. И так на протяжении всего похоронного ритуала – а это длилось немало дней – близкие родственники покойника, можно сказать, почти ничего не ели (и худели без всяких диет).

Панихида проходила каждый вечер с 18 до 20 часов до самых похорон. Это выглядело примерно так. Вокруг гроба у стен ставили стулья, которые приносили соседи. Приходили знакомые, родственники, соседи, коллеги с работы. Пожилые женщины, а также близкие родственники в трауре сидели вокруг гроба. Мужчины и женщины проходили по полному кругу, соболезнуя близким покойника на ушко, целуя их, а затем кучками толпились либо на балконе, либо во дворе, обсуждая разные новости.

Как только в комнату входили новые люди, начинался громкий плач с причитаниями: «Вай ме, на кого ты нас покинул, как мы будем жить без тебя!» – и все в таком роде. А затем после соболезнований продолжалась тихая беседа. И так каждый вечер проходила гражданская панихида.

Приглашались музыканты. Если умирал грузин, то звучала грузинская музыка, играли на национальных инструментах. Если умирал армянин, то играли армянские музыканты на зурне и пели что-то заунывное и очень грустное. Умирал азербайджанец – играли азербайджанские музыканты.

В назначенный день похорон снова собирался весь народ, гроб выносили во двор, ставили на табуретки, и шло прощание с покойником. Прощались те люди, которые не могли по разным

причинам пойти на кладбище. Несколько мужчин выносили гроб и несли его по улице, где жил покойник. Затем гроб помещали в открытый кузов грузовой машины, покрытый ковром, ставили вокруг гроба венки и клали цветы. И вся траурная процессия шла за машиной.

В первом ряду шли самые близкие покойника. Женщины были во всем черном, а лица их покрыты черными платками или кружевными, или прозрачными. Самых близких родственников вели под руки. И обязательно играл духовой оркестр или же музыканты играли на народных инструментах. И так процессия двигалась к кладбищу. Если кладбище было недалеко, то так и шли пешком до могилы, а если подальше – садились в автобусы. Естественно, весь городской транспорт останавливался, пропуская похоронную процессию.

На кладбище гроб снова несли мужчины и устанавливали возле могилы. Начинались речи. Все желающие говорили о покойнике, вспоминали его заслуги, достижения в работе, учебе. Затем народ отходил на почтительное расстояние. У гроба оставались только самые близкие. Прощание переходило в громкий плач вплоть до истерик. Дежурил приглашенный врач или медсестра. Некоторые женщины падали в обморок, другие цеплялись за гроб, и с большим трудом их оттаскивали и отводили в сторону.

Гробовщики опускали гроб на веревках в яму, засыпали землей. Каждый пришедший на похороны бросал горсть земли – это обязательная традиция в процессе закапывания. Эта традиция осталась и в наше время. Потом народ расходился. Женщин, близких покойнику сажали в машины, остальные ехали на автобусах на поминки.

На подъезде к дому в воротах двора стояли женщины с графинами и полотенцами. Пришедшие споласкивали руки и рассаживались за столы. Раньше поминки проводили во дворе дома. Помогали кто чем мог. Соседи приносили столы, стулья, скатерти, посуду. Позднее появились услуги проката всей обязательной атрибутики поминок, в том числе столов и посуды. Столы накрывались в основном во дворе, ведь отдельных квартир почти ни у кого не было, а только комнаты в коммуналках. А ведь поминки проходили при большом количестве людей.

Пока проходили похороны на кладбище, оставшиеся дома люди – в основном родственники и соседи – ставили столы и накрывали их прямо во дворе под брезентовым тентом. Главным блюдом поминок была кутья из риса или пшеницы с добавлением изюма. Однако самой основной горячей едой был шилаплав. Обязательно покупали барана и приглашали специального человека, который свеживал его, разделявал и готовил шилаплав. Что же это за шилаплав? А это плов из риса и баранины с добавлением тмина и специй. Такой плов по-грузински готовят исключительно на поминках. Кстати, очень вкусное блюдо. Как правило, с кладбища приходило много народа, да и соседей было немало и незнакомых людей тоже. Почему приходили незнакомые люди? Ведь о смерти покойника сообщали местные газеты, где указывался адрес, время похорон и кладбище.

Все садились за стол. Заранее назначался тамада, который вел застолье и произносил от пяти до семи тостов в память усопшего. Народ ел, пил, слушал тамаду. Так можно было выпить от пяти до семи рюмок водки или столько же стаканов вина. И на этом вся поминальная церемония заканчивалась.

Очень хорошей традицией была помощь родственникам усопшего. Обязательно собирались деньги. На работе собирали сотрудники покойника, в доме – соседи, родственники собирали отдельно. И вся эта помощь вручалась близким, обязательно со списками фамилий людей, внесших свою лепту. Администрация учреждений тоже выделяла денежную помощь не только усопшему, но и его родственникам по месту работы.

Это была замечательная традиция, которая в больших городах забыта из-за разобщенности вообще людей, а соседей – в частности. Они не знают друг друга, почти никто не здоровается. Не дружат. Ни в радости, ни в беде люди не объединяются. А жаль!

В конце 1970-х годов закончились панихиды с народными инструментами и духовыми оркестрами. Пришло время магнитофонов. Играли любую музыку по желанию заказчика. Оплата была почасовая. Не было больше похоронных шествий, не стало громкого плача. Садись в машины, автобусы – а в катафалк самые близкие – и сразу ехали на кладбище. Единственно, когда ехала похоронная процессия, как всегда останавливался транспорт, давая дорогу.

На седьмой или девятый день на кладбище ходили самые близкие родственники покойника. Однако сорок дней после смерти в основном отмечали широко. Опять заказывался автобус, ехали на кладбище, вспоминали покойника, близкие тихо плакали, и потом все возвращались к накрытым столам. Поминки стали делать в квартирах, кафе, ресторанах, съемных залах. Столы изобиловали разными блюдами. В конце подавали фрукты, мороженое и десерты. Однако пили традиционно ограниченное количество спиртного.

Ну, а годовщину после смерти отмечали все по-разному. Некоторые дома своей семьей, а кто побогаче – опять в кафе, ресторане и т. д. Обязательно через год к годовщине смерти ставили памятники из мрамора, но не все, а те, у кого имелись денежные средства.

Кладбища Тбилиси – это настоящие произведения «могильного» искусства. Кому выпадет шанс побывать в Тбилиси, обязательно пройдите хотя бы по одному из кладбищ. А их в Тбилиси довольно много.

В Тбилиси есть также два или три пантеона, где захоронения знаменитостей: артистов, деятелей науки и искусства, всех значимых для Грузии людей. Один из главных пантеонов Тбилиси находится на склоне горы Мтацминда. Пантеон расположен вокруг церкви Святого Давида. Здесь похоронены известные писатели, артисты, ученые национальные герои Грузии. Назову некоторых, которые были на слуху у советских людей. Из писателей: Акакий Церетели, Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела; из советских в целом: Нодар Думбадзе, поэт Галактион Табидзе; из советских артистов: Акакий Хорава, Верико Анджапаридзе, Серго Закариадзе и многие знаменитости.

Первое захоронение и первый пантеон

Первым захоронением было погребение известного русского писателя, поэта, композитора Александра Сергеевича Грибоедова, который трагически погиб в Тегеране, в Персии. Ныне – Иран. Почему Александр Сергеевич Грибоедов похоронен в Тбилиси?

А. С. Грибоедов родился 15 января 1795 года в дворянской семье. В 15 лет он окончил Московский университет. Участвовал в войне 1812 года, прослужил два года в кавалерийском полку. В 1817 году поступил на службу в Коллегию иностранных дел России, а в 1918 году был назначен секретарем дипломатической миссии в Персии. Однако он был замечен в деле о декабристах, хотя ничего не смогли доказать, но все-таки его сослали на Кавказ (1822–1826 гг.).

В годы ссылки он подружился с князем, генерал-майором Александром Гарсевановичем Чавчавадзе и был вхож в дом. Там он встретил свою будущую жену, которая была маленькой девочкой. Он иногда учил ее игре на фортепиано. После ссылки он вернулся в Москву и получил назначение в дипмиссию России, в Тегеране.

Встреча с будущей женой произошла 16 июля 1828 года. По дороге на службу он заехал в Тифлис, навестил свою пожилую приятельницу, там и встретил прекрасную девушку – княжну Нину Чавчавадзе 16 лет отроду. Влюбился как мальчишка и тут же объяснился, и сделал ей предложение стать его женой. Получил согласие. Их обвенчали в Сионском кафедральном соборе, в Тбилиси. Во время венчания у А. С. Грибоедова из дрожащей руки выпало кольцо. Это было недобрый знаком. Всего десять дней эта молодая пара была счастлива в цинандальской усадьбе князя Чавчавадзе – отца Нины.

Грибоедов и его молодая жена отправились к месту службы, в Персию. По дороге молодой муж, чтобы не подвергать опасности свою жену, оставил ее в Тевризе, в своей резиденции представителя Российской империи. Они редко виделись. Сохранилось одно единственное письмо, которое он написал за две недели до своей гибели. Он писал: «Потерпи еще несколько дней, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам более не разлучаться». Но этому не суждено было сбыться. 30 января 1829 года Александра Сергеевича и еще 50 человек в Тегеране растерзала толпа религиозных фанатиков.

Молодой жене не сообщали о гибели мужа: она тяжело переносила беременность. Она ждала мужа и не хотела уезжать в Тифлис без него. Наконец ее увезли в Тифлис, где она узнала о гибели мужа и у нее случились преждевременные роды. Ребенок прожил один час, но его успели окрестить и нарекли Александром. Александр Сергеевич был похоронен в гроте, возле церкви Святого Давида, на склоне горы Мтацминда. На черном могильном камне высечены слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя».

Нина Чавчавадзе прожила 45 лет и умерла от холеры. Ее похоронили рядом с Александром Сергеевичем Грибоедовым. И вот в канун столетия гибели Грибоедова был открыт первый пантеон на горе Мтацминда в 1929 году. Там же похоронена и мать Иосифа Сталина. С тех пор в пантеоне хоронили многих выдающихся грузин.

Детство и первые школьные годы советской девочки

Мое детство прошло в районе проспекта Плеханова и в районе Дидубе. Сначала меня отводили в ясли, вернее относили, недалеко от маминой работы на гребешковой фабрике в Дидубе (это район Тбилиси, но не относящийся к «Садовому кольцу»). Затем я стала ходить в детсад, который находился в парке культуры и отдыха, так называемом Муштаиде. Откуда такое название – для меня до сих пор загадка. Но есть версия происхождения этого названия.

Она такова. Муштаид – одно из самых старинных садово-парковых сооружений в Тбилиси. Его история восходит к 19 веку, когда в Тифлис из Ирана с семейством переехал гонимый властями видный деятель шиитской религии Мир-Фетех-Ага-Сеид-Муштеид. Правительство Тифлиса пожаловало ему для устройства резиденции участок земли, на котором он разбил великолепный парк и построил дом. Через 17 лет он уехал в свой родной Тевриз, а сад и дом приобрела казна правительства.

В парке была эстрада в виде раковины. Каждую субботу играл духовой оркестр и проходили концерты. Людей собиралось много. Были аттракционы для взрослых и детские, и особо любимая детская железная дорога с настоящим паровозом и вагончиками. Он ездил по периметру парка. Мама часто катала меня. Проводниками и кондукторами были дети. Это являлось большой честью для ребенка – работать на детской железной дороге. Такой чести удостаивались немногие, только пионеры, отличившиеся в спорте или в учебе. Еще в парке было колесо обозрения, но почему-то в народе его прозвали чёртовым колесо, так и осталось в моей памяти это название.

Позже, когда расширили стадион «Динамо», то многие аттракционы убрали из парка. Все мое дошкольное детство до шести лет прошло в нем, ведь там находился мой детсад. Мама приходила за мной, и мы гуляли по парку. Я каталась на каруселях или вместе с мамой ездила в вагончике по детской железной дороге.

Мне исполнилось 6 лет, к этому времени закрыли мой детсад, в связи с реконструкцией стадиона «Динамо». Стал вопрос: что делать? Мама пришла к директору женской школы, которая находилась поблизости к нашему дому, и попросила ее записать меня в первый класс. Та отказала по причине несоответствия возрасту, да и я была ростом мала. В те далекие времена дети шли в школу с 7 лет. Мама расплакалась и умоляла принять меня в 6 лет, так как некуда меня девать. Директор, пожалев мою маму, приняла меня в школу с условием, что я не опасаюсь. Вот это да! Условие я всегда выполняла.

Первые годы в школе я помню смутно. Помню, что училась без удовольствия, пришла в школу не умея читать, считать. Как правило, таких детей учителя не очень жалуют. Это в настоящее время в основном в школу приходят подготовленные дети, умеющие читать, писать, считать и многое другое. Очень смутно помню, как наш класс принимали в пионеры, но хорошо помню, как я стала звеньевой.

В моем звене было 6 учеников. Что мы делали? Собирали макулатуру разную. В основном обрывки бумаг и картона. Ведь тогда не было такого количества газет и журналов, как сейчас. Председателем отряда нашего класса была Самуэлян Ната. Что мы еще делали... Ставили спектакли, ходили вместе в музеи и в кино, устраивали утренники вместе с учительницей.

По Советскому Союзу прошло объединение женских и мужских школ в общие средние школы. И вот к нам в 5 класс пришла учительница математики Татьяна Ильинична Попова, которая стала руководить нашим классом. Вот она и привила мне любовь к математике, я стала даже участвовать в школьных районных и городских олимпиадах по математике. Да и другие предметы стали даваться мне легко. По утрам ко мне домой заходили ребята нашего класса и списывали домашнее задание по математике.

Мама моя очень строго относилась к моей учебе. Прибегая из школы, первым делом я готовила уроки, зная, что, придя с работы, мама будет их проверять. В младших классах я и не подозревала, что мама моя почти неграмотная. Письменные задания она не проверяла, вскольз смотрела в тетради и этим ограничивалась. Она не расписывалась в дневнике, только проверяла отметки. Кроме 4 и 5 она других отметок не воспринимала. Мама наказывала меня за тройки. Двойки я не получала. Наказывала меня жестко. Била меня веревкой, которую приказывала мне принести. Я безропотно приносила веревку, и она меня била, приговаривая: «Мы бедны, у нас нет знакомых, которые могут тебе помочь в жизни, и только своей хорошей учебой ты выйдешь в люди».

Я всегда старалась учиться хорошо. Ее слова оказались пророческими. Я действительно окончила школу, получив серебряную медаль. Поступила в университет, окончила его с пятерками, затем поступила в аспирантуру. В конце концов защитила диссертацию и стала кандидатом химических наук. Вот таким простым, но действенным способом моя бедная неграмотная мамочка вывела меня в люди.

Разве в наше постсоветское время для бедной девочки было бы возможно поступить в университет? А если и поступить, то только за деньги. А денег не было. Однажды мама проверяла урок истории и я увидела, что она учебник держит перевернуто. Меня это покорило, и я догадалась, что она не умеет читать. Я в упор спросила, так ли это. Она смутилась и призналась, что читает по слогам, а писать и вовсе не умеет.

Я стала заниматься с ней. Учила ее читать и писать. Давала задания и по чтению, по письму. Мама задания выполняла безропотно. Научилась бегло читать. С письмом было хуже. Впоследствии она прочла все книги, которые папа принес с собой, да и все наши книги, которые я покупала всю свою сознательную жизнь. А их собралось более 500. Особенно много мама читала в старости. Прожила она 77 лет. Умерла мама от онкологии. Когда выявили ее болезнь, она отказалась от операции и прожила еще 12 лет.

Жизнь и быт советский людей

Во времена моего детства двор наш был большим, по количеству людей, а не по количеству комнат. Дом был трехэтажный, в виде буквы «П». Заходили с улицы в ворота с огромной аркой и попадали как бы в темный колодец. Дом был коммунальный, в каждой комнате проживала семья, по трое, четверо, а то и более человек. Колодец дома плавно переходил в большой двор, где, прилепившись к стене соседнего высокого дома, стояли самодельные низкие одноэтажные дома, которые почему-то назывались бараками.

В бараках тоже в каждой комнате с галереей жили семьи. Как сейчас помню, в одной из комнат жила армянская семья: отец семейства дядя Альберт, мать тетя Люся и двое детей Сергей и Жанна. Чем примечательна была эта семья. Во-первых, у тети Люси был брат, неоднократный чемпион мира по шахматам Тигран Петросян, живущий в Москве, иногда приезжавший к своей сестре. Во-вторых, дядя Альберт был очень ревнивым мужем и частенько поколачивал свою жену прилюдно. Вот так запомнила эту семью детская цепкая память.

У нас же с мамой была маленькая комната 10–12 кв. м. Закрываю глаза и вижу комнату. Дверь ведет в маленькую кухню, в левом углу кухня до потолка завалена дровами для зимы. Справа вход в комнату. В комнате два окна на уровне земли. Подоконники глубиной по одному метру.

Это моя территория. Там моя единственная кукла, в основном самодельные игрушки, книги. Когда мама уходила или на работу, или в магазин, она меня запирала на ключ, и я сидела на окне и смотрела завистливыми глазами на детей, играющих во дворе. В комнате стояла довольно большая железная кровать с металлическими шарами, накрытая покрывалом, связанным крючком из ниток, называемыми «Ирис». Мода была такая: скатерти, салфетки, накидки на подушки вязались крючком. Квадратный стол с льняной скатертью в крупную клетку. На столе графин с граненым стаканом. Комната была перегороджена шифоньером. Это такой шкаф из двух половин. Одна половина – с зеркалом на дверце для одежды, другая – состояла из полок для посуды, за стеклянной витриной. Внизу ящики для разных вещей. Между стеной и шифоньером оставался проем для входа. В другой половине комнаты стояла кушетка, шкафчик для кухонной посуды, железная печь, которая топилась недолго зимой. Ведь в Тбилиси большая часть года была теплой.

На стене, над столом висела картина, написанная маслом, «Зимний пейзаж». Особенно вечером, укладываясь спать, я любила смотреть на картину. На картине был изображен домик в лесу. Кругом снег, деревья и высокие ели в снегу, на крыше домика огромная шапка снега и только обозначена узкая тропинка к дому. В домике окно светится. Там свет и люди сидят вокруг стола и пьют чай. Мне так хотелось войти в этот домик и посмотреть, так ли это. Это мои измышления. Почему я так любила эту картину? Ведь в Тбилиси никогда не было снега. Если снег зимой и выпадал, то это длилось недолго. Вскоре выглядывало солнце, и в полдень от снега не было и следа.

Для готовки и сушки была керосинка. На керосинке еда готовилась медленно, но всегда она казалась вкусной, скорее всего, из-за долгого ожидания. Керосинка – это емкость, куда заливался керосин, с двумя или тремя плоскими длинными фитилями. Фитили были вставлены одним концом в металлические пазы с колесиками для регулировки длины фитиля, а другим концом в емкость с керосином. Сверху ставился металлический корпус со слюдяными окошечками, чтобы фитили не очень коптели.

У меня была одна школьная форма из коричневого штапеля и передник черный – из сатина. Каждую неделю мама стирала – в субботу вечером – мою школьную форму и особенно зимой сушила ее над керосинкой между двух стульев, покрытых полотенцами. Киро-

синка также служила для обогрева комнаты и часто коптила, поэтому весной каждый год мама известью, специальной щеткой, называемой макловицей, освежала комнату.

Еще всех в нашем большом доме мучили клопы. И вот каждое лето, в самую жару на наш большой двор выносили жители свои кровати, диваны, лежанки, стулья и керосином травили клопов, железные кровати обжигали примусом. Примус – это та же керосинка, но более эффективная. Клопы были в матрасах, в стульях, одним словом, всюду. Матрасы жарили на солнце или стирали овечью шерсть, которой был набит матрас.

Стирали так: в большие лоханки вытряхивали шерсть из матрасов или одеял, заливали водой из-под крана и выдерживали целый день под проточной водой. Кран находился в центре двора. Туда все жители ходили за водой, даже с верхних этажей. Вода не поднималась часто наверх. Затем шерсть кусками вылавливали, отжимали и раскладывали на простыни и так сушили несколько дней, по мере необходимости. Специальными тонкими палочками разбивали комки шерсти, а потом каждый комок трепали руками. Снова закладывали в матрас и прошивали. Это делалось почти каждое лето. Этим занимались в основном пожилые женщины или специальные мойщицы шерсти за деньги. Это был адский труд.

В комнатах у всех стоял в основном один и тот же набор нужной мебели: стол, стулья, кушетка, кровать железная, тумбочка, шифоньер. В больших семьях люди спали на полу, и поэтому у всех был культ постельных принадлежностей, то есть много тюфяков, одеял и подушек. Почему? Во-первых, не было специальных спален, ютились большими семьями в одной комнате, вот и спали на полу. Во-вторых, часто приезжали родственники из деревень и их нужно было на что-то укладывать на ночь.

Невестам в приданое давали как минимум четыре тюфяка, столько же одеял и подушек. Самое интересное, что тюфяки и одеяла были сшиты из овечьей шерсти.

Одеяла заказывали специальным стегальщицам, которые на атласном верхе выстегивали различные рисунки и орнаменты. Все стегалось руками. В комнате у стегальщицы стояли огромные пяльцы, похожие на пяльцы для вышивания, только прямоугольной формы. В эти деревянные палки вставлялось будущее одеяло и простегивалось двумя иглами, сверху и снизу. Получалось очень красиво. Вот при нашей с мамой бедности мама справила мне четыре одеяла и четыре тюфяка для приданого. Тюфяки были сшиты мамой, а вот одеяла отдали стегальщице. Верх у одеяла должен был быть обязательно из атласа, низ из сатина, из ситца или полностью атласным. Это зависело от кошелька. Подбирались яркие, сочные цвета. Еще, что интересно, не было привычных пододеяльников. Бралась большая простыня, на нее укладывалось одеяло, и простыня поверху пришивалась к одеялу. И это делалось каждый раз или пришивались пуговицы к одеялу и делались петли на простыне. Потом появились пододеяльники. Это облегчило труд женщин. И еще, что было удивительным, на тюфяки и на одеяла были стандарты.

Тюфяк должен был весить от 8 до 10 кг, а одеяло – от 1,5 до 2 кг. Причины две. Первая такова: чем толще и мягче тюфяк, тем удобнее на нем спать на полу. Вторая: в городе, да и в деревнях не было отопления, кроме печного, и двухкилограммовое одеяло в холодные дни хорошо согревало человека во время сна. Я думаю, что культ тюфяков и одеял имел место не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе.

Всех кавказских народов объединяли обычаи, быт, еда, правила поведения, уважение к старшим и подчинение им. Особая любовь к родителям. Одним словом, высокие моральные устои. Не знаю, как на Северном Кавказе, а вот в Грузии все это частично утеряно. Как я любила, уважала свою мать, как боялась ее, старалась угодить ей и все сделать так, как она хочет. И в моем окружении так все и жили. Даже в советской песне пелось: «Молодым – везде у нас дорога, старикам – везде у нас почет». А что сейчас? Больно и обидно видеть брошенных, ненужных детям стариков. Такие нравы во временах!

Маленькие горести советской женщины

Молодая пара. Муж – инженер, она – педагог. Жили они в Москве, в любви и согласии, но в семейном общежитии при заводе, где работает муж. Родился ребенок, появились трудности бытового характера. В это время мужу предложили работу по восстановлению трикотажной фабрики в глубокой провинции. Обещали дать квартиру. Долго решали этот трудный вопрос, ехать или не ехать в тмутаракань. Решили ехать. Победила мечта о своем жилье. Теперешним молодым людям и представить трудно, как жили семейные пары с детьми в общежитиях. Но жили, надеялись получить отдельную квартиру и получали.

Семейное общежитие в пятиэтажке. На каждом этаже длинные коридоры. По обе стороны коридора двери, много дверей, выходящих из небольших комнат. Хорошо, еще стены между комнатами есть и двери. А совсем в давние времена, в годы становления советской власти перегородки между жильем семейных пар были из ткани, тряпочные. Стояли две кровати. А между ними тумбочка. И все. Куда одежду класть? Живи как хочешь и как можешь. И жили годами, долго, терпеливо, пока их не переселяли в комнату с подселением, то есть в коммунальную квартиру. Это был первый этап.

Итак, они приехали, поселились временно в общежитие фабрики. Дали им небольшую комнату и сказали ожидать квартиру. Общежитие с длинным коридором, с бесконечными дверями по обе стороны. Кухня с огромной печкой, которую топили углем или дровами. Вскоре подключили газ. Это уже маленькая наметка на цивилизацию. В конце коридора санузел. Туалет с большой буквой «М» и с буквой «Ж». Душевая – это кошачьи слезы. Воды горячей нет, а если есть – течет полутеплая, но помыться можно. Строгий график: по четным дням – мужчины, а по нечетным – женщины. Несмотря на все бытовые трудности, люди жили не унывая, в ожидании лучшего будущего. Еще немножко, еще чуть-чуть и все будет хорошо. А это здорово, когда у людей есть какой-никакой стимул.

В огромной кухне всюду стояли столики, над столиком шкаф с кухонной утварью. Вообще соседи жили дружно, но иногда кто-то зверел от такой жизни, скандалил, делал мелкие пакости соседям. Подливал в суп или борщ керосин. Было всякое. Но все же в мире больше хороших людей, поэтому основная масса жильцов жила дружно. Новый год и все праздники справляли вместе. Сдвигали столики, превращая кухню в банкетный зал. Приносили праздничные блюда, да и кто что мог. Общими усилиями женщины пекли пирожки, пироги и накрывали простой, но сытный стол. Не было креветок, лобстеров, сыров разных сортов, не было фондю с льющимся шоколадом. Зато было весело. Садись за столы, ели, пили, пели, танцевали. Иногда дрались, но все заканчивалось миром. Очень пьяных уносили в комнаты, а веселье продолжалось до утра. Утром женщины разбирали посуду, вилки, ложки, отбирали кто что принес. Все мыли и сплетничали о мужьях, кто до какой степени напился, а кто остался трезвым. К вечеру снова собирали стол и доедали оставшиеся блюда. Снова пели и веселились. Вот такие были времена и нравы.

Вот упомянутая пара получает 1-комнатную квартиру. Это огромное, счастливое событие. Переезжают. Кровати, дивана нет, стола и стульев нет. Ничего нет. Есть цветной телевизор «Рубин», огромный, тяжелый, купленный в рассрочку на два года. Ставят его на пол, так как долгое время спят на полу на тюфяке. На одну из стен набивают гвозди в ряд и вешают одежду, прикрывая цветастой занавеской. Вот и гардеробная. Кроватка есть только у дочки. Ее одолжили соседи. Жена копит деньги на покупку дивана. Собирает их в платочек и каждое утро платочек булавкой прикрепляет к лифчику. Почему? Непонятно. Всю зарплату муж отдавал семье. Видимо еще не додумался о заначке.

Вот как-то, впопыхах собираясь на работу, она как всегда спрятала деньги в укромное место, забыв прикрепить булавкой к лифчику. Побежала на работу. По дороге почувствовала,

что ей на животе что-то мешает. Было лето. Она отряхнула платье. Это что-то выпало. Отработав весь рабочий день, придя домой, при снятии платья она увидела, что денег нет. Догадалась, что они выпали, даже зная в какой момент. Горю и отчаянию не было предела. Была собрана почти вся сумма для покупки дивана. Мужу она об этом не поведала. Переживала одна, начав копить заново деньги. А это безумно трудно, ведь только две зарплаты и больше никаких накоплений. А еще надо жить, питаться, покупать какие-то бытовые вещи, ребенку сладости, игрушки. Несмотря на эту большую горесть, жизнь продолжалась. Деньги на диван и на другую мебель постепенно были собраны. Все было куплено. Повешены шторы и занавески. На стене обязательно ковер, на который нужно было записываться. Для этого нужно было ехать в город и становиться в очередь и долго ожидать покупку. Очередь продвигалась медленно, и только получив открытку, ковер был куплен.

Но у них были и другие жизненные постулаты. Растили дочь, радовались ее школьным успехам. Молодая семья не унывала. Все жизненные трудности преодолевались, несмотря ни на что. Ведь у них было стремление к лучшей жизни.

Как избавиться от нелюбимой жены

Моя соседка – пожилая женщина, пребывающая очень давно на заслуженной пенсии – рассказала мне историю одной семьи, которая жила в далекие советские времена, в шестидесятые годы прошлого столетия. Жизнь этой семьи показалась мне странной и неординарной. Я решила рассказать вам об этой семье, дорогие мои читатели.

В молодые годы соседка Людмила Ивановна после окончания педагогического училища поступила работать воспитателем в детский сад. Ей доверили среднюю группу. Молодая, красивая женщина каждый день приводила в группу девочек-близняшек Леночку и Ирочку. А у нее была и третья дочь Ада – школьница. Азалина Аристарховна – так звали эту женщину, – приводя детей в детский сад, часто жаловалась на свою жизнь Людмиле Ивановне. А когда она показала письма мужа, Людмила Ивановна так впечатлилась одним письмом, что его запомнила наизусть. Хотя прошло более 50 лет, она до сих пор помнит содержание и других писем.

Итак, семья состояла из пяти человек. Папа (военный, подполковник), мама (домохозяйка) и три дочери. Жили они в двух комнатах с общими удобствами типа общежития. Кухня большая на 12 семей, с 12 газовыми плитами, и у каждой плиты столик и подвесной шкафчик с посудой над столом. Душевые общие, с графиком мужских и женских дней. Туалет турецкий с несколькими кабинами. Так жили военные семьи в ведомственных общежитиях, в замкнутых пространствах, называемых военными гарнизонами. Жила так и эта семья. Отец на работе, мать по дому и по кухне хлопочет. Обстирывает, кормит, ухаживает за своей большой семьей. Все бы хорошо, да отец задумал что-то нехорошее. Решил изменить свою жизнь кардинально. Но все хотел проделать тайно. Раньше просто так уйти из армии не было никакой возможности, тем более партийный коммунист. Нужно было отслужить весь срок.

И вот жена находит в ящике письменного стола письмо странного содержания. Это письмо было адресовано в НКВД, в наше время эта организация называется МВД (Министерство внутренних дел). Привожу полное содержание этого письма:

*От Александра Ивановича Михалевича,
подполковника в/ч №...*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до Вашего сведения, что моя жена Азалина Аристарховна Михалевич хочет сбежать во враждебное нам государство Мексику. Моя жена каждую ночь садится непосредственно задницей на кактусы, которые я выращиваю с любовью. Таким образом она тренирует онную к жизни в Мексике. Прошу проверить изложенные мной данные и принять должные меры.

Вскоре Азалина – жена нашего подполковника – нашла еще несколько писем в другом ящике письменного стола. Прочитав их, она была крайне удивлена и, не зная, что с ними делать, не объяснившись с мужем, отнесла эти письма к военному начальству, чтобы этими письмами доказать, что муж ненормальный. А мужу это и надо было. Письма писались намеренно, никуда не отправлялись, и муж ждал, когда жена разоблачит его. Вот и придумал Александр Иванович Михалевич снять сразу два ярма с шеи: военную службу и семью.

В семье уже долгое время шли разборки. Муж придирался к жене, к детям. Часто происходили ссоры. В доказательство того, что он психически болен, он распилил швейную машинку «Зингер», разрезал на кусочки черную лису, которую когда-то с любовью подарил своей

жене, да и несколько платьев порвал. Азалина своим женским чутьем догадывалась, что у мужа есть любовница. Но все тщательно скрывалось.

Эти письма возымели действие. Его вызвали на партийное собрание, где он вел себя вызывающе, показывая, что он не в себе. Положил партбилет на стол и с позором был выгнан из армии. С женой развелся, вскоре собрал свои вещички и удрал в неизвестном направлении. Жене Азалине удалось выяснить, что он сбежал в другую семью, где у него уже рос сын Иван. И новая семья с новоиспеченным папой переехала в другой город. Следы затерялись. Но эта несчастная женщина каждый месяц получала причитающиеся ей на детей алименты. Ведь в советские времена мужчины не прятались от алиментов, потому что все работали и через бухгалтерию алименты аккуратно перечислялись по адресу, где жили несовершеннолетние дети. Да как спрячешься, все равно найдут советские бдительные органы.

Азалина, оставшаяся без военного кормилица, была вынуждена выехать из гарнизона. Она вместе с детьми уехала к своим родителям на Украину. Людмила Ивановна больше ничего не знала о дальнейшей судьбе этой семьи.

Так удивительно порой бывает, когда узнается, что мужчина в замкнутом вроде пространстве, в гарнизоне, будучи постоянно на работе, ухитряется завести себе другую женщину, подарить ей ребенка. И в конце концов таким диким образом снять с себя оковы прошлой любви, бросив 3-х детей, выбраться из плена военной службы и воплотить свой план-мечту. Перебежал к другой женщине, к новой семье. Интересно, он был счастлив? Повесив на себя груз грехов.

Школьные годы в старших классах

В старших классах я всегда сидела за первой партой с любимой подругой Милочкой Б. Девочка была тихой, неконфликтной, отличницей. Я же не была круглой отличницей. У меня в конце года всегда выходили две четверки по русскому языку и русской литературе. Я не ладила с пунктуацией.

Итак, до восьмого класса нас вела моя любимая учительница математики Татьяна Ильична. Она не имела права вести предмет в старших классах, так как у нее был только диплом педагогического училища, не дающий право преподавать в старших классах. В восьмом классе к нам пришел мужчина учитель математики, очень плохо говорящий по-русски и не очень хорошо знавший математику. У класса начались конфликты. Приходилось часто вступать в спор с ним. Он еще и руководил нашим классом. Учитель не обращал на нас внимания. Ему было все равно, как мы учимся. Успеваемость класса резко упала. Пытаюсь вспомнить его имя и отчество, но не могу. Помню только фамилию Енукидзе. Вот что делает неприязнь к человеку. Помню только хороших, умных знающих свой предмет учителей.

Елизавета Антоновна вела биологию, Валентина Ивановна – географию, русский язык и литературу вела Галина Ивановна. Мери Соломоновна вела грузинский язык. Я ей очень благодарна. Она научила меня грузинской каллиграфии и литературному грузинскому языку. Хорошо помню учителя черчения Михаила Спиридоновича, которого мы называли Михаилом Пирамидоновичем (пирамидон в те времена был лучшим лекарством от головной боли).

Историю преподавал отставной военный, который прошел всю войну. Очень милым мягким был наш историк. Мы его любили, но не боялись. Мальчишки нашего класса как-то узнали, что у учителя нет половины ягодицы, вместо нее резиновый протез. На стул у учительского стола мальчишки-шалуны подложили гвоздь, вбив его шляпкой вниз в сиденье стула. Что случилось, когда учитель сел на стул, можно предположить. Протез лопнул и раздался звук. Случился вселенский конфуз. Всем было очень стыдно. Мальчишек вызывали к директору. Дело дошло до исключения, но сам Дмитрий Васильевич простил мальчиков. Он много рассказывал нам о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Все с большим вниманием слушали его рассказы.

Ребята-мальчишки нашего класса не особенно любили учиться и часто срывали уроки. Уходили «на шатало», от слова «шататься». Мы с моей подругой Милочкой не хотели уходить с уроков, однако мальчишки связывали нас нашими же косами и силком выводили на улицу. Основная масса одноклассников шла в кино, да и нас насильно затаскивали в кино. На следующий день в классе нас ругали, стыдили как хороших учениц, но мы не могли признаться, что нас насильно вывели с уроков. Это считалось предательством.

Часто срывались и контрольные работы. Мы в те времена писали ручками с перьями, а учителя хранили чернильницы-непроливайки в специальном ящике с замком. Ящик хранился в запертом шкафу. Однако мальчишки ухитрялись вытащить ящик, открыть его и сбросить с третьего этажа в бочку с водой, которая стояла внизу под окнами. Управляли нашим классом и не давали нам учиться два второгодника, которые пришли к нам в восьмом классе. Это были рослые ребята, которых мы боялись. Как еще срывались уроки?

Мы учились в третью смену. Она начиналась в 15 часов дня, а заканчивалась где-то в 18–19 часов. Зимой рано темнело. Мальчишки расстреливали электрические лампочки металлическими пулями из рогатки. Но учителя приносили керосиновые лампы или свечи и продолжали вести уроки. Дело в том, что часто в школе не было электричества, и поэтому учителя всегда имели запас керосина и свечей. Школа наша отапливалась зимой углем или дровами. В настенные печи шалуны бросали киноленту и поджигали ее. Она горела удушающим запахом, вот тогда отпускали нас домой. Шалунов переводили в другие классы или отправляли в вечер-

ние школы. Несмотря на все это, многие из наших одноклассников благополучно окончили школу и поступили в высшие учебные заведения.

Я в подростковом возрасте была гадким утенком. Худая, голенастая, высокая. В классе все мальчики были влюблены в Натю С. Вот она была действительно хороша собой: небольшого роста, ладная, с красивыми карими глазами, с румяным лицом и вьющимися волосами, заплетенными в две косы вокруг головы. Хотя и у всех девочек были косы с бантами, но у нее все было особенным. Мне казалось, что она похожа на Венеру Милосскую.

Скульптура Венеры Милосской из белого мрамора, найденная на греческом острове Милос в 1820 году, считалась эталоном женской красоты. Ее пропорции долгое время принимались за идеал. Высечена она в полный рост – 164 см. Плечи – 86 см, талия – 69 см, а бедра – 93 см. Но к великому сожалению, у нее нет рук. Скульптура восхищала всем: великолепной осанкой, тонкими чертами лица, аккуратной прической. Автор неизвестен. Вспахивая свое поле, крестьянин Иргос с сыном откопали эту статую.

Эта прекрасная находка была найдена на небольшом острове Милос в Эгейском море, то есть в Греции. Крестьянин Иргос, зная, что иностранцы интересуются древними вещами, предложил эту статую французскому послу Бресту за определенное вознаграждение. После долгих выяснений о ценности скульптуры французское правительство выделило деньги для ее покупки. Но статую перехватили турки, управляющие греческими островами. И когда французский корабль прибыл на Милос, скульптуру уже грузили на турецкий корабль. Французы бросились в погоню и отбили у турок верхнюю часть туловища Венеры Милосской, а позже ими была выкуплена и нижняя часть. После реставрации статую преподнесли в дар королю Людовику XVIII.

Затем Венера была помещена в Лувр. Разгорелся спор о ее руках: были ли они отбиты до или во время захвата корабля? Но эксперты вынесли окончательное решение, что руки у статуи отбиты задолго до ее обнаружения. В греческом варианте это Афродита – богиня любви. Во всех веках статуя считается живым символом прекрасного. Многие поэты посвящали стихи Венере Милосской. Российский поэт Афанасий Фет посвятил ей такое стихотворение. Привожу два четверостишия:

*И целомудренно, и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.
Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном теле разлилось...*

В 2002 году я была в Париже и побывала в Лувре. Посмотрела статую Венеры. Эта прекрасная скульптура меня не впечатлила и вот почему. Много людей толпилось возле нее, все возбужденно фотографировались. Эта суэта не дала мне возможности рассмотреть ее достойно.

Все девочки носили школьную форму: коричневое платье и черный фартук. Кто был побогаче, носил шерстяное платье и фартук из маркизета, а кто победнее – платье из сатина и фартук из ткани неизвестного мне названия. А на праздник все девочки надевали белые фартуки из батиста или из ситца.

У меня была любимая подруга, Милочка. У нее была русскоязычная семья. Отец Милочки работал начальником на железной дороге, и они жили в отдельном домике с садом, за закрытыми воротами на улице Калинина. Я очень любила к ним ходить. Мама Милочки –

русская, полная женщина, очень приветливая – всегда радостно принимала нас, детей. У них дома всегда пахло пирогами и фруктами. Но больше всего я любила мороженое, которое готовила мама моей подруги. Деревянная небольшая кадка заполнялась льдом, в середину вставлялась емкость цилиндрической формы, которая заливалась молоком, добавлялся сахар, сливки и ваниль. И все это крутилось руками, как мельница. Получалось очень вкусное мороженое. Особенно я любила приходить к ним на Новый год. Елку украшали самодельными игрушками, так как покупные не всем были доступны.

У нас дома в моем детстве никогда не ставили елку: не на что было купить и нечем украсить ее. Но однажды, помню, мама принесла небольшую, пушистую елку и украсила ее мандаринами, завернутыми в фольгу для красоты. Когда она ушла на работу, я повалила елку, сняла с нее все мандарины, содрала с них фольгу. Все мандарины очистила от шкурки – благо они были мягкими, хорошо чистились, – затем разобрала их на дольки и разложила на столе рядами. Мне за это досталось: мама побила меня. А мне было лет шесть или семь.

В пору моего детства в магазинах не было многих бытовых вещей. Например, не было красивых клеенок на стол, а вот скатерти из натуральных тканей были всякие. И вот мама купила красивую клеенку для стола, простояв в очереди долгое время. Постелила, в комнате стало красиво, а я, маленькая дурочка, привела после школы подруг со двора, и мы играли в школу. Писали перьевыми ручками и нечаянно пролили чернила на клеенку. Вот это было великим несчастьем.

До прихода мамы с работы я пыталась удалить пятно и дотерла клеенку почти до дырки. Мама расстроилась очень и, конечно, побила меня веревкой. Но мне не было обидно, мне было стыдно за то, что я сотворила с клеенкой, которую мама с таким трудом купила.

Еще случай. Мама сшила мне красненький сарафанчик в мелкий цветочек, с крылышками, с кармашками – такой, какой я всегда мечтала надеть. Но в первый же день надев красивый сарафанчик, я влезла на дерево и повисла на суку. Когда меня сняли с дерева, клочок ткани сарафанчика остался на дереве. Можно догадаться, как мне попало за это. Видимо я была шалунья, бездумная, бесшабашная.

Мама моя какое-то время работала на лимонадном заводе, который находился рядом с нашим домом. Даже стена завода прилегала к нашему двору, и во дворе всегда очень ароматно пахло. Лимонад был очень вкусным, готовили его по рецептам Митрофана Лагидзе². Этот напиток готовился на натуральных настоях трав и фруктов, концентратах соков, на натуральных ароматизаторах. Мама часто приносила домой лимонад, особенно когда я болела. Когда мама спрашивала, что я хочу поесть, ответ всегда был один и тот же: лимонад и жареную картошку.

Недаром на проспекте Руставели, сколько себя помню, всегда был магазин «Воды Лагидзе», где можно было выпить прекрасную газированную воду за очень небольшие деньги, примерно 10–12 копеек. Особенно мы, дети, любили сливочный сироп с лимонным сиропом. Маленькими мерными стаканчиками в большой граненый стакан наливали два сиропа, а затем добавляли холодной газированной воды. И это был чудесный вкус! Или три мерки: шоколадного, сливочного и лимонного сиропа в один стакан. Это было дороже, 15 копеек. А еще там же, рядом в помещении, пекли чудесные слоеные хачапури и выносили в зал вод горячими, сочными и вкусными. Они стоили 30 копеек. За ними всегда была очередь.

Позже в подвале того же здания подавали аджарские хачапури, а воду приносили графинами в любом составе сиропов. Там стояли столики, за которыми хачапури ели с помощью ножа и вилки, но такое кафе открыли, когда я училась в университете.

² 2. Рецепты вкуснейших лимонадов держались в секрете и передавались лишь близким родственникам по наследству. Для информации: Митрофан Лагидзе был близким родственником Реваса Лагидзе – композитора, который написал песню «Тбилисо». (Прим. автора). []

Тбилисский театр оперы и балета

Грузинский театр оперы и балета имени Захария Палиашвили – это крупнейший музыкальный театр г. Тбилиси. Основан был в 1851 году губернатором Грузии Михаилом Воронцовым. Фасад здания театра один из красивейших фасадов театров в Европе. Когда французский писатель Александр Дюма путешествовал по Грузии в 1858–59 гг., он писал в своей книге «Путешествие по Кавказу»: «За свою жизнь я повидал почти все театры, но ни один из них не может сравниться с Тифлисским театром».

Строительство театра возглавил приглашенный из Одессы архитектор Джованни Скудери. Все росписи на стенах были сделаны художником Григорием Гагариным. Нельзя не отметить, что люстру весом 1218 кг доставили пароходом из Марселя. Однако в 1874 году театр сгорел. Погибло все. Только в 1876 году был объявлен конкурс на проект нового театра. Победил архитектор из Петербурга Виктор Шретер. Но из-за недостатка денег завершилось строительство здания спустя 16 лет.

Здание построили строго в мавританском стиле, с башенками, с арками, с удивительной лепниной. Открытие театра состоялось 3 ноября 1896 года. Давали оперу М. Глинки «Иван Сусанин». Великий русский композитор Петр Ильич Чайковский удивлялся, что его произведения ставят в Тифлисском оперном театре чаще, чем в других театрах России. Федор Шаляпин, будучи молодым талантливым певцом, брал свои уроки вокала в Тифлисском оперном театре.

В 1936 году столица Грузии Тифлис официально была переименована в Тбилиси. С 1937 года грузинский оперный театр стал называться Тбилисским театром оперы и балета имени З. Палиашвили.

Захарий Палиашвили грузинский композитор, он основоположник грузинской оперы. Родился в 1871 году в Кутаиси, в семье певчего церковного хора. В семье было 18 детей, шестеро из них стали профессиональными музыкантами. Семья переехала в Тифлис, там Захарий окончил музыкальное училище. С 1900 по 1903 гг. он учился в Московской консерватории по классу композиции у С. И. Танеева. Лучшие его оперы: «Абесалом и Этери», «Даиси». Умер З. Палиашвили в 1933 году в Тифлисе. Похоронен в сквере у оперного театра. Каждый год Тбилисский театр оперы и балета открывает сезон оперой З. Палиашвили «Даиси».

Театр оперы и балета является одним из достопримечательностей Тбилиси и находится на главном проспекте города, на проспекте Шота Руставели. Спустя 100 лет сгорело и это здание. Театр восстановили, сохранив лишь внешний вид фасада здания. Третье рождение театра можно считать 1996 год.

Вахтанг Михайлович Чабукиани

Мне хочется напомнить читателям о знаменитом советском, грузинском танцовщике Вахтанге Михайловиче Чабукиани. Почему? Благодаря ему я поступила в балетную студию при Тбилисском театре оперы и балета. Об этом напишу позже.

Вахтанг Чабукиани родился в многодетной семье рабочего. Родился он 12 марта 1910 года. Жизнь семьи была тяжелой, и поэтому маленьким мальчиком он вместе с двумя сестрами работал учеником мастера в мастерской Марии Шевалье. Дети плели корзинки, делали ящики, игрушки из папье-маше.

Как-то Вахтанг доставил в танцевальную студию Марии Перрини заказанные в мастерской корзинки и игрушки. Он увидел танцующих детей и как зачарованный стоял и смотрел на них. Ему захотелось учиться танцевать. Его приняли в студию, и ему пришлось осваивать балетные па в тринадцать лет. Для балета он уже был переростком. Год учения в студии принес ему немалые успехи, так как желание и плюс трудолюбие и талант – есть залог успеха. Он продолжал также работать в мастерской, ведь он учился в студии Марии Перрини за деньги.

Впервые Вахтанг Чабукиани станцевал в детской партии в Тбилисском театре. Он всегда был рад любой роли, только бы танцевать. Однако он знал, что настоящее балетное образование он может получить лишь в Петербурге. В Ленинградское хореографическое училище его не приняли. Ему исполнилось уже 17 лет – переросток. Он поступил на вечерние курсы при училище. Через два года, заметив его успехи, Вахтанга перевели на дневное отделение.

За три года он полностью прошел всю девятилетнюю программу с общим и специальным образованием. После окончания училища его приняли в состав балетной труппы Театра оперы и балета им. Кирова. Ему сразу дали серьезные партии. В 1930 году Вахтанг Чабукиани станцевал партию Зигфрида в балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро». Исполнительница роли Одетты-Одиллии Галина Уланова писала, что Чабукиани придавал Зигфриду энергию и темперамент. Леонид Собинов – российский певец – сравнивал Вахтанга Чабукиани с горным орлом.

В 1933 году Вахтанг со своей партнершей Татьяной Вячесловой дали гастролы в США. Они посетили все крупнейшие города Америки. Американские газеты писали: «Вячеслова и Чабукиани штурмом взяли Нью-Йорк». В 1941 году Вахтанг Чабукиани получил Сталинскую премию первой степени.

Вскоре началась Великая Отечественная война с Германией. Ленинградский театр оперы и балета эвакуировали, а Чабукиани вернулся в Грузию, занял должность главного балетмейстера, стал работать в Тбилисском театре оперы и балета. Также он был ведущим танцовщиком и возглавил балетную студию, где сам и преподавал мальчикам, в старших классах. Чародей танца – так называл Вахтанга Чабукиани артист, прославленный футбольный комментатор Котэ Махарадзе.

«Я счастлива, что видела в расцвете сил гениального танцовщика Вахтанга Чабукиани и танцевала с ним в балетах „Жизель“ и „Дон Кихот“», – рассказывала французская балерина грузинского происхождения Этери Пагава.

Балетная студия при театре оперы и балета

Не могу вспомнить, кто и какие обстоятельства надоумили меня поступать в балетную студию. Мне исполнилось 11 лет, я переросток. Экзамены и отбор уже закончились. Моя соседка тетя Соня со мной очень дружила. Вернее, жалела, заботилась обо мне, подкармливала, дарила игрушки. Я ее очень любила. «А где мама?» – спросите вы. Мама вечно на работе или у моей тети. Вот тетя Соня и привела меня в балетную студию.

Ехали мы долго, с пересадкой. Театр оперы и балета находился на правом берегу р. Куры, а мы жили на левом. В дирекции студии нам сказали, что прием окончен, мол, приходите в следующем году. Я расплакалась, сказав, что я уже большая и меня уже не примут. В это время в дирекцию вошел Вахтанг Чабукиани. Увидев плачущую девочку, он спросил: «В чем дело?» Ему объяснили. Он подошел ко мне и проверил мои балетные данные: шаг, подъем ступни и другие параметры. Спросил у меня фамилию и сказал, чтобы меня зачислили. Так я стала ученицей балетной студии.

В сентябре я стала заниматься в классе педагога В. Воейковой. Это был 1-й класс «Б». Занятия начинались утром, ездить было далеко, но мне хотелось учиться. Пришлось перейти в другую школу со второй сменой. И вот началась учеба. Очень трудная, изнуряющая. Занятия шли по 45 минут у станка. Упражнения были сложными, на растяжку.

Вначале я старалась выполнять все указания педагога, но как только после перемены начинался следующий урок, сил уже не было. Когда педагог не смотрела в мою сторону, я работала у станка вполсилы. Выручали только природные данные. Я поняла, что не смогу отдать себя этому безумно трудному делу. Балет требует полной отдачи физических сил, особого питания, желания танцевать, как бы это ни было трудно. Одним словом, нужна железная сила воли.

Проучилась я в балетной студии всего два года, но эти два года дали мне большой багаж знаний в балетном и оперном искусстве. Я пересмотрела и прослушала весь оперный и балетный репертуары, ставившиеся в Тбилисском театре оперы и балета имени Захария Палиашвили.

Мне удалось, учась в балетной студии, поучаствовать в нескольких балетных спектаклях, в массовках. Была мышью в балете «Щелкунчик» П. И. Чайковского. Была вакханкой в одноактном балете «Вальпургиева ночь» Ш. Гуно. С другими девочками танцевала с большими венками. Участвовала и в других балетах, где были заняты дети.

Первоначально балет не считался отдельным элементом в театральном искусстве. Он служил как бы дополнением в оперных действиях. Значение балетного искусства выросло лишь в середине 18 столетия. Это было просто замещением оперных арий, вставными балетными номерами. Только в 1763 году был впервые поставлен полный сюжетный балет «Ясон и Медея» на музыку Ж-Ж. Родольфа. После этой постановки выросла значимость сюжетных балетов, так как композиторы охотно стали писать музыку к балетам, драматурги либретто к балетам. С тех пор поставлено много прекрасных балетов на великолепную музыку. Появилось много талантливых постановщиков и балетмейстеров, таких как Филиппо Тальони, Мариус Петипа, Михаил Фокин, в советские времена Джордж Баланчин (по происхождению грузин, но долгое время жил и работал в США), Юрий Николаевич Григорович и другие.

Особо хочется рассказать о Марии Тальони – дочери Филиппо Тальони. Мария Тальони прославленная балерина 19 века. Она впервые отказалась от тяжелых нарядов, от париков и грима в балете. Она выходила танцевать в легком платье. Спустя какое-то время изобрела пачку и придумала пуанты для пальцев ног. Любая балерина в пуантах как будто парила по сцене. Это было очень красиво и изящно.

В советские времена поразил и удивил балет, поставленный по трагедии Шекспира «Отелло» на музыку А. Мачавариани. Постановщиком, режиссером и сценаристом балета «Отелло» был знаменитый балетмейстер Вахтанг Михайлович Чабукиани. Исполнителем партии Отелло тоже был он.

Никогда не забуду, как я ходила смотреть балет «Отелло» в Тбилисском театре оперы и балета. Пробилась на спектакль без билета. Билеты были раскуплены все. Весь спектакль стояла в партере у стены. Это был фурор. Ничего более зажигательного и потрясающего, чем танец Вахтанга Чабукиани, я не видела с тех пор ни в одном балете, ни в те времена, ни сейчас.

Быль на грани фантастики

Советское время. Тбилиси. Середина пятидесятих годов прошлого столетия. Я с мамой почти всегда нахожусь у тети на улице Табидзе. У мамы нет работы. Она ухаживает за семьей своей сестры. А семья большая. Тетя, дядя, два приемных мальчика из грузинского села Баджи, что находится в Рачинском районе Грузии. Отец мальчиков погиб на фронте, мать умерла от рака. Еще пять кошек и я с мамой. Тетя и дядя обитают в отдельной комнате, а мы все вместе с кошками в большой комнате. Вот бедная моя мамочка (в прямом и переносном смысле) готовит, стирает, убирает. За это мы накормлены. Дома в нашей маленькой комнатке холодно, нет еды, идти туда не хочется.

Особо хочу рассказать о доме, в котором жила моя тетя. Дом огромный, 4-этажный, как большой прямоугольник, как колодец с высокой аркой, с красивыми воротами из чугуна с причудливыми узорами. Дом элитный. В нем живут люди высокого ранга. Профессора, ученые, врачи, артисты, композиторы. Отдельные квартиры никто не занимает. У всех коммуналки, с общими кухнями и туалетами.

Только на 4-м этаже жила семья профессора Шульгина, которая занимала часть этажа со всеми удобствами. Его жена – милейшая и добрейшая женщина – очень любила детей. А детей во дворе было очень много. Она много уделяла времени дворовым детям. Устраивала праздники, концерты силами детей. На свои деньги каждый Новый год ставила живую елку во дворе дома. Кстати, в те далекие времена не было искусственных елок. Покупала подарки, приглашала цирковых артистов. Летом прямо во дворе ее усилиями был городской лагерь. Я была очень рада, когда мы с мамой подолгу жили у тети.

У меня подружка во дворе. Девочка моего возраста. Она всегда меня приглашала к себе домой. Я была рада. У них хорошо. И пианино есть. Девочка училась в музыкальной школе. Она часто играла пьесы, а я с упоением слушала. Мечтала тоже научиться играть. Но как? Пианино нет, да и вообще ничего нет. Мы с ней играли в разные игры. Мама девочки как всегда занята готовкой еды в общей кухне. Отец на работе, брат девочки, наверное, в институте, он уже взрослый.

И вот однажды, кажется в воскресенье, отец моей подружки оказался дома. Это высокий, немолодой, на мой детский взгляд, с усами, строгий мужчина. Я его немного боялась, хотя видела много раз. Вдруг отец моей подружки – ее зовут Лали – подходит к нам в разгар нашей игры и интересуется моей жизнью: где я живу, к кому прихожу. Я подробно рассказываю о себе, о маме, о тете и ее семействе. Рассказываю о том, что мы с мамой живем на улице Клары Цеткин, у нас маленькая комната в полуподвальном помещении, туалет и кран во дворе. Рассказываю, что мы живем с мамой вдвоем, а папа умер. Почему-то спрашивает мою фамилию и точный адрес, но меня это не настораживает, я спешу продолжить игру. Наконец отец Лали уходит, и я забываю о нем.

Проходит время. Мы с мамой дома, в нашей комнатке. Стук в дверь. Мама открывает. На пороге трое мужчин. Они, ничего не говоря, проходят в комнату, осматривают ее, потом выходят в наш большой двор, видят в середине двора водопроводный кран, туалет общий, как всегда грязный. Людей во дворе много. Все с удивлением смотрят на мужчин. Мужчины очень важные, хорошо одетые, в костюмах. Вскоре мужчины уходят. Напуганная, забитая жизнью моя мамочка ни о чем их не спрашивает. Я стою с открытым ртом, растерянным взглядом провожаю уходящих.

Проходит время. Вдруг приходит курьер и приносит смотровой ордер на комнату. Он просит срочно сходить по указанному адресу, посмотреть комнату и в 2-дневный срок дать ответ. Если комната понравится, то с паспортом явиться в Тбилисский горисполком, в жилищный отдел. Мама в недоумение. Она отказывается идти смотреть комнату по смотровому

ордеру. Почему? Она рассуждает так: мы ведь не стоим на учете в жилищном отделе на получение комнаты. Это раз. Наша комната по метражу точно на двоих. В те времена нормой было 5–6 кв. м на человека. Это два. Она считает, что здесь какое-то недоразумение. Это три. Я долго уговариваю мамочку посмотреть комнату по улице Орджоникидзе. Кстати, комната находится совсем недалеко от нашего дома.

Наконец мы собрались и пошли. Дом оказался небольшим, итальянского типа, с открытыми балконами. Комната на втором этаже, довольно большая – 16 кв. м, – светлая, двери комнаты выходят в большую галерею (то есть в лоджию), а рядом в другой комнате один сосед. На открытом балконе общий туалет. Еще большая кухня на две семьи. Маме и мне все понравилось.

На следующий день я повела маму в горисполком, мама шла как во сне. Я ее подбадривала, хотя и сама не понимала, кто о нас позаботился. Все случилось как в сказке. Мы нашли жилищный отдел, мама подала паспорт и смотровой ордер, и ей выдали настоящий ордер на этот адрес. Нашей радости не было предела. Вскоре жильцы выехали из этой комнаты, а это была семья из 4-х человек.

Нам надо было срочно перебираться в полученную комнату. Денег на ремонт все равно не было. Мы с мамой на себе перетаскали весь наш небольшой скарб, а кровать, стол, шифоньер, кушетку и другие предметы мебели перевез наш уже бывший сосед дядя Альберт. Он работал на грузовой машине. И все за бесплатно. Надо отметить, что в те далекие времена люди были добрее, душевнее, более внимательнее. Отношения между людьми никогда не упирались в деньги.

Наконец мне удалось выяснить, кем был отец моей подружки Лали. Оказалось, что он был председателем городского исполкома г. Тбилиси. Но случилось так, что мне даже не пришлось поблагодарить отца моей подружки. Пока мы перебирались в новый дом, радовались нашему счастью и обустроивали комнату, семья моей любимой Лали тоже переехала в новую квартиру. Следы затерялись. Пути наши разошлись, но память об этом навсегда осталась в моем сердце.

Вот такая нереальная фантастическая история случилась со мной и мамой. Что это? Удача? Или восторжествовала некая справедливость. Почему с нами? Ведь очень многие большие семьи жили еще в более ужасающих условиях. Ютились по холодным подвалам, по барачным общежитиям. Время было тяжелое. Послевоенное. Прошло много лет, но я часто возвращаюсь к этому из ряда вон выходящему событию. Думаю, анализирую, но никак не могу найти объяснение невероятной, не поддающейся никакому определению этой были на грани фантастики.

Тбилисские события 1956 года

В 1953 году 5 марта умер вождь и отец всех народов СССР Иосиф Виссарионович Сталин. Тбилиси и вся огромная страна СССР погрузились в траур. Горе было безмерно, бесконечно. Когда хоронили Сталина, много людей в Москве погибло в давке, людей, которые пришли проститься с любимым вождем. Хорошо помню, как наша классная учительница повела нас в парк, где был памятник Сталину. Собралось много людей, учеников привели многие школы. Начался митинг. Дети читали стихи о Сталине. Многие выступали с хвалебными речами о Сталине. Все плакали. Это было вселенское горе.

К власти пришел Никита Сергеевич Хрущев, который занялся разоблачением культа личности Сталина. 25 февраля 1956 года Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». В докладе приводились сведения о репрессиях, о коллективизации с раскулачиванием, говорилось о военнопленных, которые по возвращении из плена арестовывались, ссылались в ГУЛАГ, некоторые даже расстреливались. Одним словом, была показана картина массовых репрессий. Грузия восприняла разоблачение Сталина как личное оскорбление, хотя, как выяснилось позже, многолетнее правление Сталина и его окружение нанесло огромный урон Грузии. Вся передовая интеллигенция была уничтожена, как и в других республиках.

Весь доклад Хрущева сводился к персональной ответственности Сталина. Тут же вспомнили о пытках и о внесудебных расправах и расстрелах. Много всего ужасного свалилось на голову Сталина. Да, он виноват во многом. Неужели один? А где были остальные, белые и пушистые члены правительства? Просто загадка века!

Я вовсе не оправдываю злодеяния Сталина и его приспешников. Тем более и мой отец пострадал безвинно от разгула обезумевших властителей СССР под руководством известного нам «главного злодея». Где же был тот же Хрущев, Маленков, Пospelов, Микоян, Аристов, Шверник, Булганин, председатель КГБ генерал Серов и другие, а? Неужели маленький, рябой, с высохшей рукой человек мог один управлять госаппаратом власти, многомиллионным народом? Нет, дорогие мои читатели, вина лежит на всех, кто пребывал у власти, начиная с 1917 по 1960 годы. Это мое личное мнение.

В городе Тбилиси позже снесли памятники Сталину, переименовали улицы, из школьных учебников убрали все, что касалось нашего вождя. Изъяли из грузинских учебников по литературе стихи Сталина. Из песен выкинули слова о Сталине. Все это было сделано по всей стране.

5 марта 1956 года – в годовщину смерти Сталина – в Тбилиси народ собрался у памятников Сталину, также на главных площадях. По проспекту Руставели прошла демонстрация. В этот день, по моим воспоминаниям, отменили уроки во всех школах города и всех учеников нашей школы во главе с директором и учителями повели к памятнику Сталину, который находился в парке, недалеко от нашей школы, на набережные реки Куры. Состоялся митинг. Дети читали стихи о Сталине. Взрослые выступали против развенчивания культа личности, обличали власть, требовали снятия Хрущева.

Несколькими днями позже на очередных митингах прозвучали первые призывы даже о выходе Грузии из состава СССР. И так мирные митинги проходили в городе вплоть до 9 марта. А ночью в город ввели войска. Однако об этом никто из горожан не знал. Ночью многотысячная толпа молодых людей решительно подошла к Дому связи на проспекте Руставели. Расположились напротив Дома связи, возле грузинского драматического театра и ресторана «Тбилиси». Все деревья были усыпаны мальчишками 9–12 лет.

Вдруг у инициативной группы возникло желание отправить телеграмму В. Молотову, с просьбой возглавить страну вместо Хрущева. У Дома связи находилась вооруженная охрана. Несколько молодых людей подошли к охране. Их схватили и затащили в здание. Толпа броси-

лась их выручать. Из окон Дома связи слышалась пулеметная очередь. Я и мои двоюродные братья были очевидцами этой бесчеловечной стрельбы по молодым, безоружным людям. Как мы туда попали. Мои обе тети жили в центре города. Одна на улице Энгельса, недалеко от главной площади города, другая недалеко от проспекта Руставели, где находился Дом связи. Нужно было спуститься с улицы Атарбекова по короткой улице, прямо к Дому связи. Вот так мы и пришли туда и смешались с толпой. Никогда не забуду, как после первой очереди выстрелов попадали люди, а с деревьев посыпались тела ребятишек. Мы с криком и плачем побежали к улице, находящейся вблизи Александровского сада. Затем мы забежали в сад и спрятались за скамейки. Перевели дух. Пока мы бежали, пулеметная стрельба не прекращалась. Было страшно, ведь мы были подростками. Погибло много девушек и юношей, поскольку эта многотысячная толпа состояла из них. А мы жили вроде в благополучной стране.

По одним данным погибло около 500 человек. Но официальные данные были явно занижены. По данным МВД Грузии было убито 15, ранено 54 человека, 200 человек были арестованы. По другим данным было задержано 375 человек, из них 39 – были осуждены, а остальные отпущены. В те годы только радио сквозь зубы сообщило об этом, и все умалчивалось. Только в перестроечное время появились материалы, касающиеся тех тбилисских событий 1956 года. Правда, и сейчас разнятся данные о погибших. Видимо, все еще они засекречены. До сих пор каждый год 9 марта собираются участники тех трагических событий и родственники погибших молодых людей, чтобы почтить память ни в чем не повинных, безоружных молодых парней и девушек.

В марте я об этом вспомнила и посвятила рассказ этому болезненному событию, которое оставило во мне неизгладимую память.

Мамина семья

Моя мама родилась в глухой деревне Саратовской области. До коллективизации и раскулачивания она жила там вместе с одиннадцатью братьями и сестрами. Всего в семье было шесть братьев и шесть сестер. Крестьянское хозяйство было крепким по тем временам. Две коровы, два теленка, две лошади, десяток овец, свиньи, поросята, куры, утки, гуси. Подворье большое, да и несколько десятин земли, которую обрабатывали сами, всей семьей.

Мать с отцом и старшими братьями работали с утра до вечера. Младшие девочки хозяйничали в доме. Нянчили совсем маленьких детей, ухаживали за курами, гусями, утками. Кто-то из ребят пас овец и коров далеко за домом. Одним словом, все были трудоустроены. В школу дети ходили по очереди. Так и жила эта дружная, работающая семья в небольшом доме.

Там были сени, большая комната с лавками, длинным столом и русской печью с полатями, чистая горница, где стояла одна кровать для родителей, в красном углу находились иконы святых. Над большим окованным сундуком зеркало, и висела люлька, подвешенная к потолку, в которой качался очередной младенец. Еще были прямо к дому пристроены сараи, где зимой находились домашние животные, а молодняк – овечки и теленок – жил вместе с детьми в большой комнате. И так семья из 12 детей и родителей дружно жила в деревне до коллективизации.

Коллективизация сельского хозяйства в СССР началась в 1929 году. Параллельно коллективизации шла кампания раскулачивания. По данным историков, лишь только три процента сельского населения были зажиточными. А раскулачиванию подлежали 10–15 % единоличных хозяйств. В деревни направлялись карательные отряды, которые силой конфисковали имущество, запугивали крестьян, совсем богатых сажали под арест.

Все крестьянство делилось на три категории. Первая категория подлежала аресту. К ней относились зажиточные хозяйства, имевшие батраков. Вторая категория подлежала выселению в отдаленные области Урала, Сибири, Казахстана. А третья категория подлежала выселению на худшие земли в том же районе. Четкого определения, кто относился к классу кулаков, не было. А ведь нужно выполнить план – 10–15 % крестьянских хозяйств... Раскулачивание коснулось многих миллионов человек. «Самого ободранного батрака вполне можно зачислить в подкулачники», – писал А. И. Солженицын. Семью мамы отнесли к третьей категории кулаков. Мать, отца, сестер, братьев переселили на худшие земли, отобрав, а вернее конфисковав, все хозяйство. Поселили в какую-то разваленную избу. Но все были очень рады этому, ведь их не арестовали, не расстреляли. Оставили в живых. И на том спасибо. Но одолел голод. Поэтому две сестры и брат бежали в Грузию к своей старшей сестре. К тому времени младшие дети – три сестры и два брата – умерли, и осталось всего только шесть детей да мать с отцом. Вот так закончилось раскулачивание для семьи мамы.

Наивность советской женщины

Во время войны, перед уходом на фронт мой папа был арестован. Мама осталась одна, беременная, без средств к существованию. Родила девочку, в ЗАГСе записала ее на фамилию отца. В те далекие времена многие семьи так и жили без регистрации брака, как и в наши нынешние времена. Описывать трудную жизнь мамы не хватит слов. Молока своего нет, денег нет, кормить дочку нечем. Кормила ребенка жидкой кашницей из манной крупы. Продала из дома все: папины костюмы, сорочки и даже аккордеон. Расскажу один эпизод из этой тяжелой жизни.

Кто-то, пожалев маму, предложил ей продавать конфеты ириски, изготовлявшиеся дома кустарным способом. Кстати, эти ириски очень были востребованы. Ведь конфет никаких не было, были только конфеты в виде подушечек с начинкой, с повидлом внутри, да и они нечасто продавались в магазинах. И вот мама с грудной девочкой на руках и с ирисками в коробке отправилась продавать на проспект Челюскинцев, который прилегал к вокзальной площади. Она не успела продать ни одну ириску, как ее остановил милиционер и отвел в отделение милиции. Там у нее отобрали коробку с ирисками, но, пожалев грудного ребенка, отпустили домой. Однако пришлось выплачивать ущерб, нанесенный «конфетному бизнесу».

Меня всегда поражала наивность и доверчивость советских людей, особенно сердобольных женщин, которые всегда были готовы прийти на помощь любому человеку. Еще один плачевный эпизод и опять на проспекте Челюскинцев, где мама познакомилась с женщиной, рассказавшей ей душещипательную историю о своей жизни. Пожалев эту женщину, мама пригласила ее пожить у нас. Утром она ушла на работу, оставив маленькую дочь с незнакомкой. Женщина забрала последнее, что было в доме, и ушла, оставив ребенка на произвол судьбы. Хорошо, что утром, услышав плач, к нам заглянула соседка, с которой мама дружила, и пробыла у нас до вечера, пока мама не вернулась с работы. Это была бабушка Дуня, очень религиозная, благочестивая старушка.

Как еще выживала моя мама? Так как мы жили недалеко от железнодорожного вокзала, мама приводила к нам домой одного или двух солдат, ожидавших поезда, на ночевку, а сама с ребенком уходила ночевать к соседке, к бабушке Дуни. В благодарность солдаты оставляли хлеб, консервы, сахар из своих пайков. Так и жили...

Затем, когда я немного подросла, мама устроилась работать на гребешковую фабрику. Жить стало легче, так как появился заработок. На станке мама обрабатывала и затем шлифовала деревянные гребешки, которые были очень востребованы. Почему? Во время войны, да и после войны, почти не было мыла, да и вообще никаких средств гигиены, но было много вшей у детей и взрослых. Эти гребешки делали двухсторонними: с одной стороны зубья частые, а с другой стороны – редкие. Головы детей смазывали керосином, а затем редкими зубьями расчесывали волосы, а частыми вычесывали вшей и гнид. Вот такие были времена.

Хотя вроде военные действия не велись на территории Грузии, но жизнь была тяжелой и голодной, как и по всем республикам. По воскресеньям мама со своей сестрой – с моей тетей – ездили на электричке в близлежащие деревни и меняли одежду, обувь на хлеб, на кукурузную муку, из которой варили мамалыгу (это кукурузная каша, очень вкусная), и другие продукты. Так и выживали.

Отец

Отец мой – коренной житель прекрасного города Тбилиси. Его отец – столбовой дворянин. Мой дедушка российским царем вместе с семьей был сослан на Кавказ за политические высказывания против существующей власти. Он с семьей обосновался в Тбилиси, в котором и родился мой отец. Повзрослев, отец окончил Тифлисское коммерческое училище и работал бухгалтером на обувной фабрике «Исани».

Отец и мама познакомились на фабрике. Отец к тому времени был женат, имел двух взрослых детей. Мама жила одна, в небольшой комнате. Видимо, между ними возникла обоюдная симпатия. Однажды отец явился вечером к ней домой с чемоданом и сказал, что будет здесь жить. Мама растерялась и не могла возразить. Она была удивлена, что такой видный мужчина обратил на нее внимание. Будучи полуграмотной крестьянкой, она считала, что он стоит на социальной лестнице намного выше, чем она.

Отец был высоким и худощавым, веселым и остроумным балагуром, пел и играл на аккордеоне. Он был образован, начитан, хорошо разбирался в политике. Кроме русского языка знал грузинский, армянский и азербайджанский. Являлся членом КПСС, изучил сочинения Маркса, Ленина, Сталина и прочел многих философов. Однако из КПСС он добровольно вышел, что в те времена было немыслимо. На очередном партсобрании он положил партийный билет на стол, сказав, что нарушается линия партии. За это его посадили в Метехи, где он провел шесть месяцев.

Метехи – храм, в советские времена служивший тюрьмой для политических арестантов. Итак, отец и мать стали жить вместе в гражданском браке. Отец был старше мамы на 11 лет. Но их совместная жизнь продолжалась совсем недолго. Началась война. Отцу было 42 года, и его не сразу призвали в армию.

В середине войны отца наконец забрали на подготовку для фронта в Армению, в город Дилижан. Во время подготовки армейцев отец поделился с товарищами своим мнением, что Сталин виноват в том, что не укрепил границы, хотя знал, что война начнется. Тут же об этих словах узнало начальство, состоялся трибунал, отца осудили на десять лет по статье 50 и сослали по этапу в Челябинскую область. Мама осталась одна, беременная, без средств к существованию.

Отец вернулся из ГУЛАГа в начале пятидесятого года прошлого столетия. Он не отсидел весь срок. Вернулся после шестилетней отсидки. Приехал очень больным, без зубов – причина цинга. Как он выживал эти шесть лет? Удивительно, но факт.

Он шил обувь, сапоги и ботинки для начальства колонии, для их жен – модельные туфли. Из колонии он привез небольшой альбомчик, в котором были мастерски изображены модели женских туфель. Модели он придумывал сам и шил по своим эскизам. Я писала о том, что он работал до войны бухгалтером на обувной фабрике «Исани». Вот там он и приобрел теоретические знания по изготовлению обуви. Это помогло ему выжить в лагере. Денег ему за шитье обуви, конечно, не платили, но его подкармливали, не посылали на тяжелые работы. Но голод, холод, тяжелый быт сыграли свою роль. Здоровье было подорвано полностью.

По возвращении домой он не имел права жить в столичном городе Тбилиси, мог жить только в пригородах или в провинциальных городах. Вначале он поселился в городе Гори. Это небольшой провинциальный городок Грузии, находится в 40 км от Тбилиси.

Город Гори один из старейших городов Грузии. Гори примечателен тем, что в нем родился Иосиф Сталин. Там сохранился домик-музей. Очень маленький, скромный домик с двумя комнатами. Жители города очень гордятся, что Сталин родился в их городе. В Гори родился также выдающийся советский русскоязычный философ Мераб Мамардашвили. Правда, он жил в этом городе до 4 лет. Отец его был военным, и семья ездила по городам и

всем Союзу. Философские и просветительные работы Мамардашвили сыграли большую роль в становлении независимой философской мысли в СССР. При въезде в город Гори установлен памятник: стела со скульптурным барельефом Мамардашвили. Когда-то примечательна была крепость Горисцихе, построенная в 12 веке. Но в настоящее время от нее остались руины.

Фото с работы А. Улановой. Река Кура и храм Метехи

Теперь снова об отце. Он снял небольшую комнату, в которой жил и в ней же ремонтировал обувь, жить на что-то надо было. Так и выживал, да и нам помогал деньгами. Мы часто ездили к нему в Гори. Я очень любила эти поездки. Это было так замечательно, ехать на поезде. Меня всегда радовала встреча с папой. Он был веселым, всегда шутил и, наверное, любил меня. Хотя я его знала недолго – всего четыре года – и память о нем почти стерлась. Затем он переехал в город Кутаиси.

Кутаиси второй по величине и значимости город после Тбилиси. В древние времена Кутаиси был столицей Абхазского царства, затем был резиденцией грузинских царей. С 15 века был центром Имеретинского царства. В 1810 году Кутаиси был присоединен к Российской империи. В настоящее время Кутаиси является парламентской столицей Грузии. В этом городе в кутаисской гимназии в 1902–1906 гг. учился Владимир Маяковский – советский поэт. В Кутаиси родилась Верико Анджaparидзе – советская народная артистка СССР. Там же родился Зураб Анджaparидзе – советский оперный певец, народный артист. В Кутаиси находится собор Баграти и Гелатский монастырь. Они входят во всемирное наследие ЮНЕСКО.

В городе Кутаиси друзья помогли отцу открыть мастерскую по пошиву модельной обуви для женщин. Но такая жизнь продлилась недолго. На четвертый год жизни в Грузии он заболел. Работать уже не мог. Диагноз был неутешительным: обширный абсцесс легких, хорошо, что не туберкулез. Дело в том, что он лежал в нашей маленькой комнатке, и я тоже часто лежала с ним, а он рассказывал мне смешные истории. И мы с мамой могли заразиться, но его болезнь не была заразной. Ему становилось все хуже и хуже. В это время умер Сталин, и вскоре пришли

документы на реабилитацию. Мой папа в порыве гнева разорвал все бумаги, сказав: «Мне от такой власти ничего не надо». Мама моя уговаривала отца не рвать документы, подумать о нас. Ведь мы могли получать хотя бы мизерную пенсию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.